

СВАДЬБЫ НЕ БУДЕТ

р о м а н

Журналист Дима
Полуянов наконец-то
сделал Наде
предложение, и это стало
самым опасным
приключением в их
жизни.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы

Свадьбы не будет

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Свадьбы не будет / А. Литвиновы — «Эксмо», 2018 — (Спецкор
отдела расследований)

ISBN 978-5-04-096342-3

Наконец-то Надя Митрофанова дождалась – любимый Дима сделал ей предложение! И сразу же новоиспеченных жениха и невесту пригласили в реалити-шоу «Свадьба навывлет». Для съемок выбрали глухую безлюдную деревню, где участников поселили в заброшенных домах без удобств и заставили участвовать в жестоких конкурсах. Но это было еще не главным испытанием! В режиме ток-шоу ведущая вызывала на сцену одного из конкурсантов и предъявляла залу неопровержимые доказательства его неприглядных поступков в прошлом. Все с напряженным любопытством наблюдали, удастся ли паре остаться после этого женихом и невестой. Но вскоре выяснилось, что цена этих разоблачений – не только разорванная помолвка, но и жизнь всех присутствующих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096342-3

© Литвиновы А., 2018
© Эксмо, 2018

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Свадьбы не будет

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Урна разинула пасть и будто просила: «Выброси!»

Надя уже занесла букет над черным зевом, но в последний момент отдернула руку. Цветы – охапка астр и в середине зачем-то одинокая белая роза – благодарно прижались к ее груди.

«Подарю лучше в метро кому-нибудь», – решила Митрофанова.

Но, будто назло, за всю дорогу – ни единого располагающего лица. Пассажиры от мала до велика отгородились от мира наушниками, уткнули лица в гаджеты. Никого радовать не захотелось.

Выбралась из подземки, заглянула в любимый магазинчик у дома.

– Привет, Надюша. За пироженками? – улыбнулась знакомая продавщица. – Эклеры рекомендую. Безе исключительное.

Надя мужественно отвернулась от витрины, протянула через прилавок букет:

– Это вам.

– Ой... – смутилась женщина.

И вдруг решительно заявила:

– Не возьму.

– Почему? – опешила Митрофанова.

Продавщица лукаво улыбнулась:

– Лучше домой отнеси. Пусть твой божок позлится.

– Мой *кто*?

– Ну, ты заходишь с ним иногда. Такой пуп земли, вечно нос в небо.

Ничего себе – Димочку приложила! Хотя обычно Полуянов нравился женщинам средних лет. Надина начальница его просто боготворила. Да и эта продавщица всегда улыбалась журналисту, кокетничала. Вот двуличная!

Надя немедленно бросилась на защиту любимого:

– Глупости вы говорите!

А тетка гневно произнесла:

– Уже детишек пора в школу водить, а твой хахаль все тебя манежит!

– Слушайте, не лезьте в чужую жизнь! – разозлилась Надежда. – Мы сами разберемся.

Никаких пирожных покупать не стала, пулей вылетела из магазина. Но слова продавщицы упали на благодатную почву. Больше никуда пристроить букет она не пыталась. Принесла домой, бережно подрезала стебли, художественно расположила цветы в старомодной хрустальной вазе. Астры напоминали про школу. Одинокая белая роза – про первые влюбленности в старших классах.

Пусть собран букет неумело, мужской рукой, настроение он ей поднял.

В историко-архивной библиотеке, где работала Митрофанова, читателей сильного пола – добрая половина. Причем не полубезумные поэты, а публика весьма уважаемая. Особенно в Надином зале, куда без степени (как минимум!) кандидата наук вообще не пускали.

Митрофанову («даму приятной пухлости» – как острили более юные сотрудницы) джентльмены вниманием не обходили.

Любили с ней поболтать, с удовольствием на бюст четвертого размера пялились.

Прежде ограничивалось комплиментами, максимум – легким флиртом. В основном со стороны пожилых, если не сказать древних. Но сегодняшний букет был от молодого человека. Да какого!

В зал всемирной истории повадился ходить известный блогер Артем Кудряшов. По статусу ему, конечно, положено сидеть со студентами, но начальница иногда *неостепененных* пукала – если приносили из вуза письмо-просьбу с печатью.

Артем вместо документа принес огромную коробку конфет, сдобрил презент ослепительной улыбкой, обрушил на даму, падкую на лесть, водопад комплиментов.

А едва огляделся-обустроился – принялся осаждать Надежду.

Она в буфет – парень хвостом за нею. Выходит после первой смены – караулит у двери. Искушает: «В католическом соборе – тут в двух кварталах! – потрясающий органнй концерт. Начинается через двадцать минут. Идем?»

Библиотечные черви в большинстве своем очкарики. Худощавые, спину горбят. А на Артема посмотришь – глаз отдыхает. Спортивен, белозуб. Анекдотами сыплет. Книжки заказывает захватывающие – о преступности в девятнадцатом веке. На носу романтический шрам. И блог у него интересный. Митрофанова подписалась – стала двадцать тысяч какой-то.

И пусть ее сердце навсегда отдано Диме, но Артему она всегда улыбалась. Чай не фотомодел, поклонниками грех разбрасываться. К тому же Полуянов вечно занят – работой и собой. Романтические ужины у них давно только дома, без свечей, еще и готовь, а потом убирай. На ее день рождения не постеснялся уехать в командировку. Автопробег по России – уверял, что это чрезвычайно важно, отказаться никак нельзя.

Именно в день торжества заехал в такую глушь, где даже сотовой связи не имелось. Цветы с курьером, правда, прислал. И еще телеграмму: что поздравляет и в старой шкатулке на шкафу спрятан подарок. Надя почему-то решила, что найдет там кольцо. Или билеты в Париж. Когда увидела десять тысяч – сразу стало скучно.

Праздновать в дамском коллективе тоже показалось тоскливо. А вечером Митрофанова одиноко включила фильм «Красотка» и окончательно себя растравила.

Зато Артем на следующее утро явился в библиотеку с изящным букетом и мягким укором:

– Ты почему мне ничего не сказала?

– О чем?

– Что у тебя день рождения был!

– Подумаешь, событие, – поморщилась Надя.

– Лучший день в году! – авторитетно заявил молодой человек. – Ну, ничего. Второй день свадьбы иногда бывает даже ярче первого.

– Чего-чего?

– Это я к слову. Сегодня тебя похищаю. На весь вечер.

И она позволила себя украсть. Программу Артем придумал эффектную: сначала сходили на квест, а потом в ресторан, где полная темнота, и ужинать пришлось вслепую. Митрофанова в подобных местах прежде не бывала. Ужасалась, восторгалась, иногда визжала и очень боялась, что блогер начнет к ней приставать. Однако тот лишь проводил до дому и старомодно чмокнул в щеку на пороге подъезда.

А сегодня – вообще безо всякого повода – Артем снова с цветами явился. Когда пили чай с булочками в библиотечном кафе, уверенно взял ее руку в свою.

– Ты чего? – попыталась вырваться Надя.

Но он только сильнее сжал ее ладошку – уверенно, словно хозяин. А второй рукой выложил на стол два билета в Театр Фоменко. Анонсировал:

– «Сон в летнюю ночь».

– Как ты достал?! – ахнула Митрофанова.

– Архаично. В день начала продаж в кассы поехал.

Настоящий змей-искуситель! Надя просилась у Полуянова на этот спектакль с того самого дня, как ему «Золотую маску» дали. И Дима ей обещал. Много раз. Но доехать до театра или попросить знакомых так и не удосужился. А вот Артем – сделал.

– В следующий вторник. Отговорки не принимаются.

Надя отказываться и не собиралась. Димке можно наплести про девичник или что на работе новые книги допоздна принимали. Но к букету сожитель (что за мерзкое слово!) может придрататься.

Однако Полуянов, когда пришел, лишь покосился на вазу в гостиной – и сразу двинулся в кухню:

– Слона бы съел.

Обычно она сразу и радостно бросалась кормить любимого, но сегодня вдруг шлея под хвост:

– А здороваться кто будет? Пушкин?

Дима взглянул изумленно:

– Привет. У тебя, что ли, ужина нету?

С утра Надя собиралась прибежать с работы, быстренько запечь на гарнир к вчерашним отбивным картошечку, сделать салат. Но с мечтаньями и раздумьями ничего не успела.

Сунула мясо в микроволновку, в морозилке отыскала мороженный шпинат, выложила на сковородку. С маслицем, с приправами – очень даже сойдет.

Но Полуянов принялся и решительно заявил:

– Траву не буду. Есть какие-нибудь грибы, огурцы соленые?

– Я тебя в субботу за грибами звала – сам не пошел, – напомнила Митрофанова.

– Что ты вредная такая сегодня? – Он попытался хлопнуть ее по попе, но она увернулась.

Надя вовсе не собиралась ссориться. Но с языка вдруг само собой сорвалось:

– Да потому, что надоело: «Дай. Подай. Я». Король нашелся! Ты обо мне когда-нибудь заботиться пробовал?

– Конечно! – возмутился Дима. – Я тебе в воскресенье кофе в постель принес.

– А цветы ты когда мне дарил? Не на Восьмое марта, а просто так, без повода?

Лягнула – и жутко на себя разозлилась. Черт, что ли, за язык тянет?

– Ага... – Полуянов отложил вилку. – Я, значит, как интеллигентный человек увидел, но промолчал. Однако ты хочешь сцену ревности. Ладно, давай устроим. Мне несложно. Итак, кто сей? Очередной старичок? Академик, профессор? С квартирой в Столешниковом переулке?

– Зря издеваешься, – ледяным тоном произнесла Надя. – Я тебе сто раз говорила: старички меня не интересуют. И вообще...

– Газ выключи, – примирительно напомнил Полуянов. – Шпинат твой горит. Так и быть. Клади. Съем. Ты завтра в какую смену?

– Во вторую.

– Переносись. В «Современник» пойдем.

Вот это да! Два приглашения в театр за один день!

– Какой спектакль? – с интересом спросила.

– Не спектакль, – поморщился Дима. – Мне премию будут вручать.

– За что?

– За талант мой непреходящий. «Самый правдивый... нет – искренний журналист». Как-то так.

– Димочка! Поздравляю! – бросилась любимому на шею.

Артем – мигом из головы прочь.

Едва закончили ужин, Надя кинулась к шкафу делать ревизию. Дима встал на пороге спальни, предупредил:

– Платье в пол не надевай. Форма одежды обычная, многие с работы пойдут. Но она все равно постаралась выглядеть максимально стильно и элегантно.

Однако едва вошла в «Современник», поняла: зря она наряжалась, словно на прием в Букингемский дворец. Ее юбка средней длины и дорогуший приталенный пиджачок абсолютно потерялись в буйстве стилей, красок и бижутерии.

Журфаковцы явились в кислотных майках и немислимых рваных джинсах, светские хроникерши – кто в мехах, кто в платье под леопарда. Девицы из «Молодежных вестей» дружно обрядились в мини, телевизионная тусовка блистала светской небрежностью, к которой Надя стремилась, но никак не могла достичь.

Да еще Диму постоянно обнимали, целовали, поздравляли, отводили в сторонку, а Митрофановой оставалось только переминаясь в одиночестве с ноги на ногу и растерянно улыбаться.

У столов с закусками плотно сомкнулись ряды оголодавших, едва появлялись официанты с шампанским, бокалы расхватывались мгновенно, Полуянова совсем унесло водоворотом знакомых, и Надя уже всерьез подумывала забиться куда-нибудь в уголок да повисеть в социальных сетях, пока не начнется официальное действие.

Уже и одинокий стульчик себе присмотрела – у дальнего окошка, но вдруг услышала радостный возглас:

– С ума сойти! И Надюшка здесь! Ты с кем?

Митрофанова захлопала глазами: Артем! Да при параде: костюм, белая рубашка, малиновый галстук-бабочка.

– Я... я со своим знакомым пришла... – пробормотала неопределенно.

Коллектив «исторички», конечно, знал про ее знаменитого жениха, но лично Артем не спрашивал, есть ли у нее *друг*. А сама Митрофанова о своем семейном положении не докладывала. Тем более что и положения никакого нет. Полгода прошло, как Дима позвал ее замуж, но заявление в загс так и не подали. Полуянов не предлагал, гордая Надежда не напоминала.

– И где твой спутник?

– С коллегами общается. – Надя не удержалась. Поморщилась.

– Тогда я имею все права тебя похитить.

Артем властно взял ее за руку, повел за собой, толкнул неприметную дверку. За ней оказался буфет. Здесь тоже были накрыты столы – только народу почти никого, и официант с шампанским к ним сам бросился.

– Вип-зона, – прокомментировал блогер.

Быстро набрал тартелеток с красной икрой, семгой, лососем, креветками. Усадил Надю на диванчик, поднял свой бокал, взглянул в глаза:

– Ну, за тебя?

Митрофанова покраснела.

Зазвенел хрусталь. Они молча выпили. К соседнему дивану небрежной походкой продефилировала медийная персона – то ли певец, то ли шоумен, лицо определенно знакомое. По Наде мазнул равнодушным взглядом, ее спутнику кивнул:

– Привет, мистер Арт.

– Мистер кто? – удивилась Надя.

– Арт, искусство! Кто-то ляпнул, когда стрим делали, так и прицепилось, – отмахнулся Артем.

– Делали – что?!

– Не забивай себе голову, – улыбнулся он.

– Ты какой-то очень загадочный, – пробормотала Митрофанова. – С каких это пор блогеров приглашают в вип-зал?

– У премии генеральный спонсор – колбасный завод. А я их иногда хвалю. Они мне платят и вообще очень любят.

В этот момент затренькал старенький, похожий на школьный, звонок. А в Надиной сумочке в то же самое время задрожал мобильник.

– Прости. – Она нажала на «прием».

– Где ты ходишь? – заворчал в трубке Полуянов. – Я давно в зале, первый ряд, середина. Устал уже твое место отбивать.

– Сейчас приду, – вздохнула Митрофанова.

Виновато взглянула на Артема:

– Меня ждут.

И помчалась на Димочкин зов.

Но тщетно искала в первом ряду пустое кресло. Пришлось ориентироваться на Димкину встрепанную, как всегда, шевелюру. Нашла, подошла, обнаружила: с обеих сторон от Полуянова восседают наглые тонконогие девицы.

Увидели Митрофанову, дружно насупились. Та, что справа, положила руку Диме на колено. Левая умоляюще прижала тощие лапки к груди:

– Димочка! Ты ведь меня не выгонишь?

– Я могу уйти в вип-буфет, – не растерялась Митрофанова.

– Тут есть? – удивился Дима.

– Да. Но он не для всех, – улыбнулась Надежда.

– Ой, ну прямо такая звезда! – пробурчала та из девиц, что наглее.

Ее рука поплыла по Диминой ноге – от колена к бедру.

Полуянов (Наде показалось, что с сожалением) отвел вожделирующую длань. Произнес примирительно:

– Лялечка. Все наши в седьмом ряду. Иди к ним. Оттуда и видимость лучше.

Хамка Лялечка неохотно поднялась. Молвила зловеще:

– Ладно, Полуянов. Ты ко мне еще приползешь.

И очень фактурно завияляла задом – все мужчины, кто сидел поблизости, глаз не сводили с этого зрелища.

Митрофанова плюхнулась в отвоеванное кресло. Подозрительно спросила:

– И зачем ты к этой профурсетке ползаешь?!

– Бумага. Картриджи. Ручки, – закатил глаза Полуянов. – Из-за тебя теперь придется все это покупать.

Надя победно улыбнулась. После шампанского в буфете для своих и влюбленного взгляда Артема тусовка перестала казаться совсем уж омерзительной. И ведущие, которые наконец появились на сцене, тоже оказались приемлемыми. Мужчина – импозантный бородач с канала «Культура», девушка – неизвестная, но хотя бы голос невизгливый.

– Приветствуем вас на вручении «Золотых молний»! – торжественно провозгласил бородач.

– Самой престижной премии, которой удостоиваются только те, кто поразил нас в самое сердце! – подхватила его напарница.

– Ох, чую, умрем со скуки, – прошептал Наде на ухо Полуянов.

– Почему?

– У них номинаций – штук сто. И каждый будет волынить: «Спасибо маме, папе, бабушке, дедушке».

– И ты тоже спасибо скажи. Мне, – строго произнесла Надя.

Бородач ведущий посмотрел на нее укоризненно – разболталась, мол, тут! – и Митрофанова виновато умолкла.

А девушка на сцене радостно произнесла:

– Итак, наша первая молния улетает к мудрейшему, обаятельному и вечно молодому Владимиру...

Она назвала фамилию, и зал загрохотал аплодисментами.

Надя с восторгом наблюдала, как известный артист (все знали: ему совсем недавно стукнуло сто) вполне себе бодрой походкой торопится к сцене. Бородач кинулся было помогать ему подняться, но нестареющий отвел руку:

– Спасибо, миленький. Я пока сам, без клюки.

Надя вместе со всеми яростно зааплодировала. Шепнула Димочке:

– Ты в хорошей компании.

Однако следующим вызвали отнюдь не Полуянова.

Едва патриарх покинул сцену, ведущая проникновенно прошелестела в микрофон:

– Открою вам секрет. Раньше я отдыхала с легкими романами. Читала их везде: в самолетах, метро, очередях. Но в этом году мир для меня изменился. Я открыла для себя новый вид чтения. Удивительный. Остроумный. Неповторимый. Он называется блог. Исключительный, искрометный, почти наркотический жанр. И лучший в нем – Артем Кудряшов!

– Елки-палки! – ахнула Надя.

Артем, стремительно двигаясь к сцене, дружески ей помахал.

– Ты его знаешь? – удивился Дима.

– Ну... да. Он в мой читальный зал ходит. – Митрофанова покраснела.

Блогер – на сцене – с элегантным поклоном принял «Золотую молнию» и букет.

– Что вдохновляет вас на ваши посты? – обратилась к нему ведущая.

– Дождь. Снег. Скорость. Спорт. Хорошие книги... – Он на долю секунды задумался. –

А еще улыбка самой удивительной в мире девушки.

– Как ее зовут? – ревниво поинтересовалась ведущая.

– Ее зовут Надя. И она... – сымитировал удивление, – она, оказывается, тоже здесь!

Лихо спрыгнул со сцены – прямо к ногам Митрофановой.

Свет прожекторов, объективы телекамер бросились за ним. Надя перепуганно закрыла ладошкой рот. Артем, нимало не смущаясь, встал на одно колено и вручил ей букет.

По залу прошелестел гул, из седьмого ряда, где сидел коллектив «Молодежных вестей», загоготали.

Митрофанова скосила глаза на Димочку – пожалуй, впервые в жизни она видела его растерянным.

И отлично. Пусть поволнуется!

Царственно приняла букет. Как должное, подставила щеку под поцелуй Артема.

Когда свет софитов переместился обратно на сцену, Полуянов хмыкнул:

– И этот хлыщ ходит в библиотеку?

– Да. Почти каждый день.

– А ты его, значит, вдохновляешь?

Полуянов выглядел откровенно уязвленным. Наде наконец стало стыдно. Она пробормотала:

– Я вообще не знала, что он тут будет. И... и не вдохновляла его никогда.

Девушка, что сидела рядом с Димой, вытянула шею, как гусь – прислушивалась к их диалогу.

– Все, Надька. Проехали, – поморщился Полуянов.

Дальше сидели в молчании.

Димина очередь подошла только на втором часу. Зал явно устал, и аплодисменты журналисту достались куда жиже, чем закоперщикам – пожилому актеру и молодому блогеру.

Когда Полуянов взял из рук ведущей «Золотую молнию», из ряда «Молодежных вестей» выкрикнули:

– Дима! А кто *тебя* вдохновляет?
По залу пронесся хохот.
Но журналист не смутился. Перехватил микрофон и весело произнес:
– А то вы не знаете! И, раз такой случай, хочу спросить на всю страну. Надя, пойдем завтра подавать заявление в загс?
По залу понеслись свист, улюлюканье, аплодисменты.
Митрофанова сидела вся красная. Телекамеры снова нацелились на нее. Народ оборачивался, глазел.
Ведущая взяла у Димы микрофон и подвела итог:
– Да, действительно незачем читать романы и смотреть мыльные оперы, коль скоро они разворачиваются прямо на наших глазах!
А девица, что сидела рядом с Димой, гневно обернулась к Наде и прошипела:
– Редкостная ты... профурсетка!

* * *

На следующее утро Полуянова вызвал главный редактор.
В приемной, подле милой и нестареющей секретарши Марины Максовны, восседала Нелли Косоурова – она вела в «Молодежных вестях» светскую хронику и вчера тоже присутствовала на вручении «Золотых молний». Дима редко замечал, кто во что одет, но сейчас даже его ошеломил ярко-рыжий лисий жилет с завязками-лапками, алые кожаные штаны и бордовая помада под стать буйству красок.
– Ну что, голубок? Силки захлопнулись? – Нелли устремила в его сторону ястребиный нос и указующий перст с крашенным в черное ногтем.
Весть о грядущей женитьбе «золотого пера» с самого утра широко обсуждалась в редакции. Однако искреннего поздравления Полуянов пока не услышал ни одного.
– Тридцать седьмая, – холодно констатировал он.
– Чего? – захопала совиными глазами хроникерша.
– Тридцать седьмая глупая шутка. Причем не лучшая.
– Как вообще можно шутить на такие темы! – вздохнула Марина Максовна. – Я вот, Димочка, за тебя просто очень рада.
– Продешевил ты, Полуянов, – хмыкнула Нелли. – Мог бы на любой фотомодели жениться, а выбрал себе какую-то толстушку-простушку. Что вечерами-то делать будете? Огурцы вместе солить?
Полуянов не любил ссор с коллегами. Но сейчас – когда нервы уже были на взводе – не удержался:
– По-моему, это ты, Нелли, продешевила.
– Не понимаю, о чем ты. – Цвет лица хроникерши стал оранжевым под статью лисьему жилету.
– О твоей статье про певицу Юону. Не стыдно прославлять бездарность всего-то за бесплатный уик-энд в Сочи! А журналисту из «XXX-пресс» целых двести тысяч, говорят, заплатили.
Марина Максовна тактично отвернулась. Нелли прожгла Полуянова ненавидящим взглядом. Дима обратился к секретарше:
– Не знаете, зачем я главному?
Та по-матерински улыбнулась:
– По-моему, он заставит тебя писать отчет.
– Какой?

– Ну, я ведь и отдел писем теперь. Как раз вчера шефу докладывала: читатели очень просят рубрику «Испытано на себе» возродить. А ты – очень вовремя! – женишься. Сможешь поделиться интересным опытом.

– Ни за что! – охнул Дима.

Вчера в такси, по дороге домой, вдохновленная Митрофанова уже успела его утомить. Чирикала без умолку: ресторан, гости, костюм, обязательно поехать на мост и повесить замочек. Полуянов не слушал, кивал. Пусть планирует что хочет. На скромную роспись (между делом, в джинсах, и сразу побежали на работу) подругу все равно не уговорить. Слишком долго она ждала. И не скрывала, что горда собой. Даже какого-то Джона Барримора ему без малейшего смущения процитировала: «Невесты не счастливы – они торжествуют победу».

Если главный действительно поручит ему описывать свои злоключения, он немедленно уволится.

– Полуянова зови! – гаркнул шеф, проигнорировав селектор.

Голос у него зычный – толстые стены и двойные двери не преграда.

Дима неспешно выдвинулся. Пока пересекал приемную, проходил сквозь предбанничек, мимолетно подумал: «Хотя мужской взгляд на свадьбу – тема вообще нормальная. Но только ведь от иронии не удержишься. А Надька потом дуться будет».

– Ну, поздравляю! – Главнюга удостоил Полуянова высшей чести: не просто приподнялся в кресле, но вышел из-за стола, пожал руку. И дальше – не кивнул, чтобы садился на место для подчиненных, а повел в уголок кабинета, где стояли два мягких кресла.

«Значит, не разнос. Разговор равного с равным. Может, еще и кофе велит подать?»

Но звонка секретарше не последовало.

Главный провалился в мягкое кресло, возложил ногу на ногу, констатировал:

– Женишься, значит. Что ж. Давно пора. Вы по любви – или м-м... обстоятельства вынуждают?

– А вам-то что до *обстоятельств*? – усмехнулся Дима. – Я в декретный отпуск в любом случае не пойду.

– Вот есть в тебе, Полуянов, препротивнейшая черта, – поморщился главнюга. – Обязательно надо выделываться. Паясничать. На обычный вопрос вместо ответа – съерничать.

– Тайна личной жизни. Имею право хранить, – упорствовал Дима.

«Хотя зря я. Начну воду мутить – точно слухи пойдут, что Надька беременная. Тогда вообще все достанут».

И Полуянов поспешно поправился:

– Извините. Обстоятельств у нас никаких нет. Просто решили наконец узаконить давние отношения. А тут и повод подвернулся – в торжественной обстановке девушку в загс пригласить.

– Другой разговор, – одобрил главный. – Значит, никакой беременности. Хорошо. Скажи, это всё та же Надя, что в библиотеке работает?

– Да.

– Такая... – пощелкал пальцами, – пухленькая, милая? Еще глаза у нее, как ромашки?

– Э... не понял ваш образ.

– За тобой оборачивается. Как цветок за солнцем. А какое образование у нее?

– Высшее.

– Физически подготовлена?

– На фитнес ходит.

Дима все больше не понимал, куда клонит редактор.

А уж когда начальник тоном продавца гербалайфа спросил: «Хотите вместе поехать в кругосветное путешествие?» Полуянов совсем опешил.

Главный извлек из внутреннего кармана лист бумаги, с выражением зачитал:

– Поездка состоится на лайнере уровня пяти звезд. Предоставляется каюта-сьют с балконом и джакузи на седьмой палубе. Восемь перелетов бизнес-классом. Пятьдесят семь стран, семьдесят пять городов. Все включено плюс на карманные расходы – десять тысяч. Долларов.

Полуянов улыбнулся:

– Любой нормальный человек просто обязан спросить: «Что нужно сделать?»

– Твое вчерашнее признание всюю по телевизору крутили. А сегодня мне с утра электронное письмо. Телеканал «Просто the best» запускает шоу для пар. Приз победителям – кругосветное путешествие. Сейчас идет кастинг. Но вас с Надей готовы взять сразу.

– «Просто the best»? Никогда о таком канале не слышал.

– А сейчас их до черта развелось, – фыркнул шеф. Снова уткнулся в бумажку, пробубнил: – Кабельный. Молодой, динамичный. Аудитория уже сейчас больше пятидесяти миллионов. Пятьсот два города, шестьдесят регионов страны. У них там главный спонсор, – редактор взметнул правую руку, – к высоким сферам приближен. Поэтому деньги есть. Сериалы свои снимают, теперь на выездное шоу замахнулись.

– И в чем его суть?

– Условное название – «Свадьба навывлет».

– Оптимистично.

– Участники – десять пар, только что подавших заявление в загс. Задача шоу, – главного снова подглядел в шпаргалку, – выяснить, что побудило жениха и невесту пойти к алтарю, и проверить, насколько крепким будет их брак.

– Психологи будут оценивать совместимость? Тоска, рейтинг – ноль, – приговорил Полуянов.

– Не только. Тут написано: «Также будущих супругов будут ставить в экзистенциальные обстоятельства, проверять, насколько оба готовы поддержать друг друга в сложной ситуации».

– Надку бросят в бассейн с крокодилами и станут смотреть, нырну ли я за ней?

– Это не «Фактор страха», и никаких угрожающих жизни конкурсов не будет. К тому же все участники обеспечиваются за счет телекомпании страховкой на крупную сумму.

– Зачем страховать, если ничего угрожающего?

– Дима! Ты придираешься, как на базаре, – поморщился главный. – Не хочешь – не надо. Письмо не тебе – мне прислали. А у нас в редакции парочек полно. Кину сегодня клич на планерке – народ драться будет.

– Но я так понял, участвовать предложили именно нам с Надей?

– Каналу от нашей газеты нужна статья. Никакой цензуры – пиши что хочешь, только вставляй себе «Просто the best» да «Свадьба навывлет». А кому такую синекуру отдать, решать буду я.

«Да ладно врать! Сам ведь сказал: увидели нас вчера по телевизору и решили пригласить».

Однако спорить не стал. Кротко произнес:

– Спасибо за доверие.

– Материал каналу нужен большой, с продолжением в нескольких номерах. Понимаешь, к чему я веду?

– Нет.

– Жених – самое бестолковое существо в мире, – не удержался от тридцать восьмой за сегодняшний день шутки главный редактор.

И отдельно, словно обращался к младенцу, проговорил:

– Канал заинтересован, чтобы статей в центральной прессе вышло как можно больше.

Поэтому отсеют вас точно не первыми.

– А по какой схеме там выгоняют?

– Жюри нет. Зрители эсэмэски будут слать. За кого меньше всего голосов – тем говорят до свидания. По итогам недели.

– Разве канал может на это влиять?

– Ой, Дима, не строй из себя наивного мальчика! – поморщился главный. – Будешь хорошие статьи делать, никто тебя пальцем не тронет. Пусть народ хоть миллиард эсэмэсок против придет. – И рубанул: – Все. Уговаривать больше не буду. Мне это ни с какой стороны не выгодно. Съёмки – больше двух месяцев. На работе тебя нет, зарплату плати. Потом, если победишь, еще в кругосветку усвистаешь.

– Ладно, – не стал больше спорить Дима. – Мы рискнем.

В конце концов, если Надька вдруг упрется – отказаться они всегда успеют.

* * *

Готовиться к свадьбе Надя начала немедленно и сразу утонула в потоке информации и рекламы. Хорошо было раньше (ей мамуля рассказывала): единственный «свадебный» магазин. Пяток на всю Москву приличных ресторанов. Обязательная программа – Красная площадь да Воробьевы (тогда еще Ленинские) горы.

А от нынешнего многообразия просто с ума сойдешь. Митрофанова по пути на работу купила свадебный журнал – и застряла уже на платьях. Десятки ателье и частных портных, магазины, каталоги, прокат...

Двадцати минут в метро ей не хватило. Когда встала на свое рабочее место за стойкой, журнал прихватила с собой. Положила под толстенный том энциклопедии. Жадно листала, пока никого из читателей. Дверь у них в зале со скрипучей пружиной, если кто-то входил, успевала прикрыть неположенное чтиво солидным талмудом.

Но Артем таинственным образом прокрался абсолютно неслышно. Подошел, облокотился на стойку локтями. Грустно сказал:

– Я такой дурак!

Надя пошла румянцем:

– Почему?

– Сам спровоцировал... этого твоего.

– Ничего ты не спровоцировал! – возмутилась Митрофанова. – Мы с Димой уже много лет вместе. И предложение он мне сделал давно. А вчера его просто для всех озвучил.

– Жаль, что ты на роль кошки согласна, – вздохнул парень.

– Кого?

– Будешь мурлыкать, обеспечивать уют. Стоять перед мужем-звездой на задних лапках.

Митрофанова сначала думала обидеться. Но лишь усмехнулась:

– Кошки на задних лапах стоять не умеют. И вообще, Артем, прости – я тебе ничего и никогда не обещала.

– Не обещала. Но я видел: тебе интересно со мной. Вот твой альфа-самец и почувствовал, что рыбка с крючка срывается. Неужели не понимаешь? Полуянов в тебе только домохозяйку видит. Ведомую. Обслуживающий персонал. Хотя ты абсолютно самостоятельная единица. Умная, смелая, вообще потрясающая! Мы бы с тобой не патриархат, а классную семью создали. Веселую. На взаимном самоуважении.

И жалобно добавил:

– И вообще, меня можно только сосисками кормить. Или китайской лапшой.

Надя постаралась взять себя в руки. В конце концов, женщина всегда должна быть мудрее.

– Артем! На самом деле потрясающий – это ты! Зачем тебе библиотекарша, домоседка?

– Позволь мне самому решать, – усмехнулся.

– Хорошо. Значит, я – не хочу за тебя замуж. Давай останемся друзьями. Будем вместе ходить в буфет, в театр или на концерт.

– Но я-то на большее надеялся, – смешно сморщил нос.

– Мы с Полуяновым одной цепью скованы. Не разорвать, – твердо произнесла она.

– Я могу любые кандалы расковать, – самонадеянно произнес молодой блогер.

А Надя вдруг поняла: да просто ловелас он, и никто больше. Готов всех хоть сколько-нибудь симпатичных девушек обаять. А если «добыча» при своем парне – ему это только интереснее.

– Ладно, – задумчиво заключил Артем. – Давай пока сменим тему. Тебе понравилось быть звездой?

– Ага, – улыбнулась Митрофанова.

Сегодня, пока она ехала в метро на работу, ее абсолютно точно узнавали! Пассажиры (не все, конечно) шушукались, кое-кто пальцем показывал. Девушки поглядывали с завистью, сильный пол с интересом. А начальница и вовсе горько вздохнула:

– И почему к тебе, Митрофанова, вечно мужики липнут?

Когда Артем ушел, Надя с минуту глупо улыбалась. Столько всего приятного! Нежданно свалившаяся популярность. Грядущая свадьба.

Но очень скоро радостные мысли сменились тревожными. Вдруг подумалось: а с чего блогер вообще взялся за ней ухаживать? Зачем молодому, красивому и популярному скромная библиотечарша?

«Сколько он в наш зал ходит? Месяц? Чуть больше. И сразу начал ко мне клинья подбивать. Compliments, концерт, на день рождения праздник устроил, в театр пригласил. А вчера мы вроде как случайно на церемонии встретились. И он своим букетом действительно спровоцировал Димку мне предложение сделать. Может, все это специально организовано?!»

Однако всерьез размышлять на тему, что кто-то неведомый целый заговор сплел, чтобы их с Полуяновым поженить, не стала.

Банальная счастливая случайность. Ангел-хранитель своим крылом коснулся.

* * *

Полуянов пришел с работы рано и очень задумчивый.

Надя приняла у него куртку, поцеловала, прижалась, вдохнула любимый запах, спросила сочувственно:

– Тебя сегодня поздравляли или жалели?

– Марина Максовна сказала, что рада.

Сбросил мокрые ботинки – как всегда, не на коврик, а на пол.

Надя много лет боролась с безалаберной привычкой. Но в последний год плюнула. Положила в прихожей тряпку и лужи вытирала сама. На самом деле пять секунд занимало.

– Ой, прости, опять забыл, – привычно извинился Полуянов. И прямо в коридоре бухнул: – Митрофанова, ты в шоу на ти-ви участвовать хочешь?

– Смотря в каком.

– То есть сразу не отказываешься? – В его голосе прозвучало удивление.

– Ну... я поняла, что телевидение – великая сила, – весело улыбнулась девушка. – На меня сегодня прямо оглядывались, прикинь? И это оказалось очень приятно.

– Да ладно! На меня никто не смотрел.

– Ты на машине. И просто не замечал. А меня узнавали, честно! Хотя лицо на экране только мелькнуло! Так что за шоу? Мы в главных ролях или просто статистами будем?

– Блин... – Прошел в гостиную, плюхнулся в кресло, произнес раздосадованно: – Я всегда думал – ты скромница и равнодушна к славе.

– Я славы не ведала – потому и была равнодушна, – парировала Митрофанова. И потребовала: – Да что за шоу, расскажи!

– На самом деле это не какая-то там встреча в студии, а целый проект. Вроде «Голодных игр». Участвуют десять пар. И всех их последовательно убивают.

– Дима!

– В смысле, выкидывают.

– А чего делать-то надо?

– Я пытался навести справки. Но телеканал молодой. И шоу совсем новое, сценарий в строгом секрете. Знаю только основной смысл: проверить пары на прочность. Насколько будущие муж и жена готовы постоять за друг друга. Но будет, похоже, нескучно. Там продюсер Клычко-Желяев. Слышала про такого?

Надя наморщила лоб:

– Это который в КВНе участвовал? И пранкер? Президента Грузии разыграл?

– Ну, пранкером он раньше был. И между делом. А вообще, Клычко-Желяев много кто. Артист. Юморист. Режиссер. Очень приличную, кстати, короткометражку снял. А с год назад ему каналом доверили управлять.

– А еще симпатичный, по-моему, – вспомнила Митрофанова. – Не он случайно ведущим будет?

– Нет. Вести проект будет бывшая вице-мисс мира. И три соведущих – звездочки рангом пониже.

– Жаль.

– На новое шоу – по слухам – у Клычко-Желяева огромный бюджет. Лучших сценаристов, редакторов, операторов отовсюду переманивает. Павильоны, декорации обещает специально под свое детище строить. Так что могут и избу поджечь. Пойдешь туда меня спасать?

– Конечно! – тоном истинно некрасовской женщины отозвалась Надя. – Чего бояться? Дадут ведь специальный костюм.

– Просто не узнаю скромной библиотечкарши! – покачал головой Полуянов. – Зачем тебе это надо? В актрисы собралась?

– Нет. Димочка, как ты не понимаешь? – Надя пересела с кресла к нему поближе, на подлокотник дивана. – Я ведь столько лет ждала, когда мы поженимся! В какие только истории вместе с тобой не влипала! И разве можно после всего этого банально выпускать голубей и бить посуду на пороге загса? А тут хотя бы надолго запомнится. Особенно если мы победим.

– Ну, не знаю, – с сомнением пробурчал Полуянов. – Соревноваться, у кого любовь крепче? Как-то несерьезно.

– Зато есть все шансы выиграть. По крайней мере у меня, – улыбнулась Митрофанова. – Короче, что надо делать? Идти на кастинг?

– Ты и на это готова?

– Почему нет?

Он вздохнул:

– На кастинг не надо. Нас берут, потому что я работаю в «Молодежных вестях». И согласился вести репортаж со съемочной площадки. Но я был уверен, что *ты* откажешься.

Недавние страхи охватили Надю с новой силой.

Артем специально с ней познакомился. Потом спровоцировал Диму, и тот сделал ей предложение. Сразу же после этого их пригласили в шоу. И там случится что-то ужасное.

Но обсуждать ситуацию с Димкой девушка не стала.

Она видела: тому не слишком хотелось выступать на ти-ви в роли жениха. Услышит ее сомнения – с удовольствием скажет: «Давай откажемся». И все.

А Надя – счастливая невеста – наоборот, желала раструбить о своей победе на весь мир.

И она твердо сказала:

– Я согласна участвовать.
И даже про главный приз не спросила.

* * *

Двери в зал групповых тренировок стеклянные, и Артур с удовольствием наблюдал, как на финишной части («отжималочке») умирали остальные девчонки. И как легко выполняла упражнение его Кристи. Спинка идеально прямая, попа не провисает, амплитуда – до самой земли. Когда были в тренировочном лагере на Бали, инструктор непечатно орал на тех, кто пытался себе жизнь облегчить – руки не до конца сгибал. Многие считали – их унижают, американки вообще приплели пресловутый «херрасмент». А его ласточка – лицо в слезах, руки от напряжения трясутся – безропотно тыкалась носиком в траву.

Она вообще упорная, его девочка. И послушная. Иногда сам чувствовал, что перебарщивает. Когда заставлял по морозу пробежать «десятку» или сделать на жарком пляже пятьсот упражнений на пресс. Но Кристиночка никогда не укоряла. И не молила о пощаде. Всхлипывала, вытирала слезы, но послушно исполняла все, что он ей велит. Понимала: Артур ей только добра желает.

В итоге слепили совместным усилием почти идеал. Фигура, гибкость, сила, координация, ловкость, скорость – все параметры совершенны. Плюс точеное лицо и обаятельная улыбка.

Нынешним летом поехали на море, в Краснодарский край. Решили, что подтягивать плавание лучше в открытой воде, чем в бассейне. Так его Кристиночка там фактически семью кормила. Разоряла немудрящие южные аттракционы. «Провиси на турнике две минуты – получи ящик шампанского». Мужики-амбалы бесстрашно шли, не сомневались: смогут. Делов-то – даже не в жиме висеть, а на вытянутых руках. Однако валились на землю секунд через сорок. А его девочка подошла, разглядела бутылки, сморщила носик: «Я отечественного производителя не пью». Хозяин окинул хрупкую фигурку насмешливым взглядом, заявил громогласно: «Я тебе на французское дам!»

– Сколько? – не отставала Кристина.

– Да ты и двадцати секунд не сможешь.

– А если смогу? А вы обманете?

– Давай, мужик! Деньги на бочку! – зашумели разгоряченные зрители.

Народу еще больше подтягивается, всем интересно.

– На. Пятьдесят тысяч дам! – целую пачку вытащил, положил на землю, прижал бутылкой шампанского.

– Ну, красавица, покажи ему!

И Кристина показала. Висела на турнике и насмешливо улыбалась, когда видела, как хозяин бледнеет, краснеет, выпучивает глаза. Мелочиться не стала – продержалась целых сто восемьдесят секунд. На закуску раз пять подтянулась. И только потом спрыгнула.

– Рэмбо. Как есть – Рэмбо! – в ужасе пробормотал какой-то пьяненький мужичок.

Хозяин молча сунул Кристине купюры, прошипел в ухо Артуру:

– Чтоб я вас тут больше не видел.

Но они приехали на машине. А курортных поселков в крае не счесть. И аттракционов полно. Велосипед с болтающимся рулем. Тирыв всех видов. Гири по тридцать два килограмма – это уж он сам. Каждый вечер развлекались.

– Выгодные получились гастроли! – сияла Кристина по дороге домой.

Она, хоть и красотка, многого не требовала. Купи ей костюмчик спортивный от Стеллы Маккартни (можно на распродаже), угости низкокалорийным салатиком – уже счастлива.

А больше всего радовалась тому, что ей не надо работать.

Артур тоже нигде не служил.

Но оба были постоянно заняты. То кастинги, то съемки в рекламе – купальники, плавки, дезодоранты. Их постоянно звали на конкурсы. «Мистер и мисс фитнес». «Идеальное тело». Призы иногда оказывались стоящими – годовой запас белковых коктейлей или поездка в Турцию например. Абонементы в спортивные клубы им – ходячей рекламе здорового образа жизни – тоже доставались бесплатно.

Кристинка не скрывала, что ее абсолютно устраивает порхать вольной птичкой, бесконечно и бесплатно совершенствовать тело, ловить восхищенные взгляды. Откуда в семье берутся деньги, девушка не интересовалась. Когда Артуру приходилось на несколько дней уезжать, сцен ревности не устраивала и вопросов не задавала. Ибо из поездок он всегда привозил изрядную стопку купюр.

Но мужчина давно хотел сменить профессию. Ибо его *дело* было слишком, чрезвычайно, чрезмерно рискованно. Счастье, что до сих пор цел. Но не идти ведь в таксисты или на завод?

Он постоянно мониторил сеть, искал применение *легальным* талантам – своим и Кристины. И когда наконец увидел объявление, сердце екнуло. Сразу понял: конкурс «Свадьба навывлет» – не просто шанс. Они в нем обязательно победят. А дальше – помимо кругосветки – придут и слава, и деньги. И появится возможность больше не ставить на карту все ради хлеба насущного.

* * *

Белый ворон. В детстве так дразнили, а сейчас, когда волосы поседели, нос заострился – стал на самом деле похож.

Николай всегда плевал на то, что о нем говорят. Мама с раннего детства внушила: «Собака лает – караван идет». Коля и шел куда считал нужным. Мальчишки прорывались в тогда еще полуподпольные секции карате, а он играл в шахматы. Одноклассники осваивали ролики со скейтбордами – Николай катался на пенсионерских беговых лыжах. Подростки яростно давили прыщи и бегали по свиданиям, а он ходил с мамой в консерваторию. Искренне считал: «Реквием» Моцарта даст ему куда больше, нежели чирикание какой-то девчонки.

Мама прожила до восьмидесяти восьми, и Коля всегда был при ней. Даже отдыхать вместе ездили. Почему нет, если оба любили архитектуру барокко, музей Прадо и термальные источники Италии?

Маменька – королевски прекрасная в своем эгоизме – жениться его не гнала, внуков не просила. Не скрывала: сын под боком ее устраивает. «Зачем тебе это ярмо? Пока жива, борщ я всегда сварю, а яичницу сварганить ты и сам умеешь». Вечера проводили интересно: сканворды, занимательные задачки, музыка, книги. *Потребности* (не слишком великие) Николай удовлетворял с замужней коллегой.

Когда мама умерла, пару месяцев казалось: он живет в пустоте. Тосковал, яростно колотил кулаком в стену, даже пил (хотя мама спиртное резко не одобряла). А потом пообвыкся. Книги ведь остались. И музыка. И сканворды. И зима наступила. Каждую субботу с воскресеньем Николай натягивал допотопный, но любимый спортивный костюм, брал старенькие, проверенные временем лыжи и отправлялся в парк Кусково. Знал его вдоль и поперек. Изредка, когда солнце и настроение под стать, выходил к людям – кружил вдоль бывшего имения графов Шереметевых. Но чаще на душе было мрачно – тогда катался по глухим, только им изъезженным тропкам-лыжням.

Там и встретил свою Василису. Морозным ветреным днем. Красна девица в ярко-розовой осенней курточке загребала легкими кроссовками глубокий снег и в голос рыдала.

В первую секунду Николай испугался: сумасшедшая. На улице минус двадцать, а она в рваных джинсах. И горло всем ветрам подставила – какой там шарф, куртка – и та не застегнута! Но развернуться и убежать не успел – девчонка завопила:

– Дяденька, стойте!

Николай никогда не любил сомнительных приключений. Но разглядел: нос и щеки у девчонки побелели, совсем ведь замерзнет. Неохотно двинулся в ее сторону.

Заблудшая – к нему, кричит дурниной:

– Где тут выход?

Не удержался, хмыкнул. Из машины, что ли, выбросили? Но снега кругом по пояс, и тропка следов – только ее, петляющая.

Проложил лыжню прямо к ногам девчонки, спросил строго:

– Как ты сюда попала?

Хлюпнула:

– Топиться шла.

– Чего? – опешил.

– Да тут, говорили, река есть. Не замерзает.

Опять засмеялся.

Девушка обиделась:

– Я точно знаю: есть! И вода там почти горячая, потому что в ней выбросы!

– Есть, – согласился Николай. – Только глубина реки – от силы полметра.

– Мне что, сейчас идти *поглубже* искать? – окрысилась девчонка.

– Нет... нет, конечно, – смутился.

Снял варежку, протянул:

– Щеки и нос разотри.

– Не, – помотала головой. – Больно.

– Надо, – почувствовал себя всеильным. – Терпи.

Минут пять растирал сам, на девчачий писк не обращал внимания. Наконец отпустил.

Страница буркнула:

– Лучше бы коньячку дал согреться!

– Не употребляю.

– Ты на машине, что ли?

– Нет, на автобусе.

– На автобусе – с лыжами? – продолжала допрос.

– А что? У меня есть чехол. И ехать всего четыре остановки.

– Тяжелый случай, – проговорила красавица. И потребовала: – Куртку снимай. А то совсем погибну.

– Ты ведь и собиралась, – напомнил он.

– А теперь передумала, – отрезала девушка. Протянула ему ледяную лапку. – Давай знакомиться. Василиса.

– Николай, – взял эту лапку обеими руками, постарался хоть немного согреть.

– Но-но! – вырвалась. Приказала: – Давай, Николай, лыжню прокладывай, а я за тобой.

– И куда мы идем?

– К тебе, куда ж еще? Чаю-то хоть нальешь?

Говорок у девицы не московский, не шибко грамотный. И глаза ушлые. Но Николай почему-то сразу уверился: ампула с клофелином в ее кармане не лежит. Не похожа была Василиса на хищницу. Просто бедняга, глупышка.

Когда добрались домой, немедленно отправил гостью в ванну. Напутствовал:

– Набери очень горячую, чтобы еле терпеть могла.

Сбежал к шифоньеру, принес два чистых полотенца.

– А одеться во что? Штаны промокли... – Василиса с любопытством вертела головой, и Николай – впервые в жизни – устыдился спартанской своей квартиры. Они с мамой оба

не любили излишеств. Никаких хрусталей, подушечек, рюшей. Зубная паста «Мятная», мыло дегтярное.

– Сейчас халат принесу.

Махровое чудовище ему подарили на работе. Николай подарок даже не распечатал – смешно, он, что ли, Обломов какой?

Разодрал целлофан (руки слегка дрожали). Халатище оказался пятьдесят шестого размера. Николай представил, как будет вынимать из груди зеленого плюша крошечное тело Василисы, и в низ живота ударило горячей волной.

Ох, осторожнее надо.

Протянул девушке халат. Строго спросил:

– Зачем ты топиться решила?

– С работы поперли, – хлюпнула носом.

– Нашла проблему!

– С квартиры тоже... – взглянула почему-то опасливо.

– Не заплатила?

– Ну... типа того.

– А сама откуда?

– Славная станция Пачулки. Сто кэмэ от Кропоткина. – Вздохнула, прибавила: – С тоски подохнуть. Билет-то хоть купишь?

– Куда?

– Куда-куда! Обломалась я Москву покорять. Домой поеду.

И захлопнула перед его носом дверь ванной комнаты.

Николай прошел в гостиную. Мама укоризненно и строго смотрела с большой фотографии, вставленной в красивую рамку. Он отчего-то устыдился, снял портрет со стены, сунул в комод. Впервые в жизни подумал, что ворох шахматных журналов и занимательной математики на журнальном столе смотрится глупо. Но ничего убирать не стал. Его жизнь – его правила. Купить Василисе плацкартный билет – и пусть катится в свои Пачулки или как там их.

Но румяная, *согревшаяся* пичуга явно вознамерилась сломать его игру. Вышла – халат волочился по полу, словно плащ королевы, зевнула:

– Есть хочу – сил нет! – И скомандовала: – Муку давай мне, кефир – оладьи сделаю.

И Николай послушно пошел на кухню. Мама никогда не готовила оладий – ели только покупные, из кулинарии.

Сначала он считал – их роман на неделю. Секс быстро приестся, а о чем ему говорить с девчушкой, которая едва девять классов вытянула?

Но Василиса задержалась в его доме сначала на месяц, потом на другой. Причем несколько не пыталась *подстроиться*. Будто хозяйка в доме, убрала в дальний шкаф журналы по занимательной математике. Категорически отказывалась играть в шахматы и кататься на лыжах. Но с удовольствием внедряла свои правила. Пиво с креветками по субботам. Кинотеатр с попкорном по воскресеньям. Глупые ток-шоу вместо канала «Культура».

Мама предупреждала: «Когда женщина берет тебя переделывать, это ужасно».

Однако Николай вопреки всем прогнозам и здравому смыслу чувствовал себя счастливым. Да, «Реквием» Моцарта вместе с Василисой не послушаешь, зато как уютно стало в квартире! С кухни настоящей едой пахнет. А в песне «Рюмка водки» даже есть какая-то своя, пронзительная струна.

Да и содержать гостью из Пачулок ему не пришлось. Девушка слегка пообвыкла и мигом устроилась в косметический салон массажисткой. Денег приносила побольше, чем его зарплата. Да еще постоянно участвовала в разных рекламных конкурсах. Николай смеялся, когда она бесконечно отсылала этикетки, коды, придумывала немудрящие стишки с упомина-

нием марки товара. Денег победы не давали, но годовой запас молока и стирального порошка они получили.

А в конце лета Василиса приняла загадочный вид. Потщила Николая сначала в свой салон – стричься, выдергивать волоски, что выглядывали из носа. Потом долго выбирали джинсы, спортивную рубашку, блейзер – за покупки заплатила сама.

– Что ты задумала? – беспокоился Николай.

Ну, она и объяснила: на телевидении объявили конкурс. Для будущих супругов. И молитвенно сложила руки на груди:

– Коленька, ты не думай! Я замуж не прошусь, и квартира мне твоя не нужна. Просто там приз – кругосветное путешествие по высшему классу. И вообще интересно. Поучаствуем в съемках, на людей посмотрим, встряхнемся.

– Но получится, что мы врем. Раз на самом деле не собираемся жениться. – задумчиво молвил он.

– А что такого? Подадим заявление в загс, чтобы до кастинга допустили, а на роспись потом не придем. Чтоб ты знал, на регистрацию чуть не половина пар не является. Успевают поспориться.

Не по душе ему была авантюра. Но Василиса так просила, так умоляла, что в конце концов он сдался. Коли печать в паспорт ставить не надо – действительно ничего страшного.

* * *

Реклама экстрасенсов – ерунда и вранье. Но настоящие прорицатели все-таки существуют. Только коротают они свои деньки не на битвах перед телекамерами, а в психушках.

Федор Матвеевич, главный врач дома скорби города Грибовска, понял это давно. И успешно (а также абсолютно бесплатно!) использовал дарования своих подопечных в личных целях.

Ужасающе костистая Нинель не могла назвать сегодняшнее число, зато за минуту наложением дрожащих пергаментных рук снимала любую мигрень. Безнадежный шизофреник, бывший банкир, довольно точно предрекал, когда вырастет или упадет рубль.

А Василий Васильевич (прочие больные не любили его за буйный нрав и ночное недержание) ванговал того пуще. За год предсказал авиакатастрофу «Ан-148» в Раменском, страшную аварию на трассе под родимым Грибовском и смерть отставной теннисистки Яны Новотны.

Федор Матвеевич сам лично в барский спорт не играл, но на девчонок в юбочках поглазеть любил, обладательниц «Больших Шлемов» (особенно тех, кто красотки) знал. Доктор хорошо запомнил, как спорил с убогим: «С чего бы ей умирать? Сорок лет, тренированная, работать не надо, денег куча». Он специально промониторил Интернет: нигде ни слова о том, что экс-спортсменка больна. Однако Василь Васильич злился, тряс немойтой бородой, стучал себя кулаком в грудь:

– Червь! Червь ее изнутри точит!

И через пару дней во всех новостях: Яна Новотна умерла от рака.

Федор Матвеевич тогда сильно впечатлился. Даже задумался: может, к делу пророка приладить? Возить по клиентам, заставлять будущее предсказывать? Но быстро от этой идеи отказался – слишком уж часто Василь впадал в несусветное бешенство, и тогда усмирить его могли только четверо санитаров или двойная доза снотворного.

И пусть предсказательный бизнес у доктора не задался, но проводывать интересного пациента он стал каждый день. Заходил в палату, бесстрашно присаживался на край кровати, требовал весело:

– Ну, дорогой Василий Васильевич, что сегодня?

– Погода хреновая, – буркал тот.

А то и вовсе к стене отворачивался.

Но Федор Матвеевич давно привык не обижаться на больных. А уж прорицатели тем более имели право на капризы.

Холодным октябрьским вторником врач ушел с работы пораньше. Помог сыну с математикой, послушал, как дочка играет Шопена. Почистил картошки, самолично провернул мяско для котлет. Жена – довольная, что ужин к ее приходу почти готов – метнула на стол бальзамчик на травах, горло прогреть. Дети (редкость!) между собой не скандалили, сериал по телевизору оказался весьма приличным – повтор «Одной жизни на двоих» показывали.

Супруга прихлебывала чаек и благодушно не замечала, как Федор то и дело подливает в свою кружку божественно-огненный напиток.

И в этот момент зазвонил телефон. Молодой ординатор. Голос рыдающий:

– Васильич опять бушует.

– Аминазина три кубика. Ты что, маленький? – сурово укорил Федор Матвеевич.

– Да я хотел. Но у него видение, а вы вроде интересуетесь...

– Я дома чай пью. Пусть тебе скажет.

– На три буквы послал. Говорит, чтобы вы срочно шли. А иначе, грозитя, весь наш город погибнет.

– Это он загнул. – Федор Матвеевич благодушно потрепал женушку по бедру.

– Гонцы смерти какие-то едут! – страдальчески выкрикнул ординатор.

Со стороны выглядело – обычный бред параноика. Но сериал сменился выпуском новостей, бальзамчик – пока разговаривал по телефону – супруга прибрала. Доктор встал, потянулся, предупредил:

– Отлучусь на часок.

Вечерняя прогулка – отличная замена снотворному.

Он в быстром темпе прошагал полтора километра до юдоли скорби и застал Василия Васильича в самом плачевном состоянии. Мясистое лицо заливали слезы, мокрая борода вздыбилась страшными клочьями. Рвался, все силы вкладывал, чтобы разорвать путы, приковавшие его к кровати, – санитары, ясное дело, подстраховались.

Доктор махнул парням:

– Отвяжите.

Ординатор с благоговением наблюдал, как только что буйный, крушащий мебель больной упал перед главным врачом на колени, уткнулся лицом ему в ноги.

– Сгинь, – махнул молодому доктору Федор Матвеевич.

Но дверей в психбольницах нет, и ординатор прекрасно слышал их разговор:

– Зло к нам в Грибовск везут. Прямо сейчас. Вижу много людей, три машины большие.

– Грузовики?

– Нет. Один фургон, в нем механизмы, компьютеры.

– Лаборатория?

– Нет. Какие-то пульта. Мониторы. И два автобуса с людьми.

Вдруг выкрикнул:

– Господь всемогущий, не к нам они! На грунтовку свернули. Между собой говорят: в Селютино им надо!

– Это где ж такое? – наморщил лоб Федор Михайлович.

Пророк будто не услышал. Продолжал бормотать:

– Едут. Лес кругом. Шофер матерится – дорога дрянь. В Шибавке планируют привал делать.

Шибавку – село неподалеку от Грибовска – доктор помнил. Лично принимал оттуда больного с острым алкогольным психозом.

– А что за люди? Кто они?

– Разные. В одном автобусе москвичи. Наглые. В другом – народ попроще. Эти друг друга первый раз видят. Волками на соседей смотрят. На круг человек где-то сто.

– И все едут в Шибавку?

– Нет! – взорвался Василий Васильевич. – В Селютино они едут. С лица земли его стереть!

– Что его с земли стирать? – наконец вспомнил доктор. – Эта деревня и так вымерла давно.

Но сумасшедший больше ничего не сказал. Принялся биться, плакать, и даже опытный Федор Матвеевич смог его успокоить только изрядной порцией лекарства.

* * *

Телевидения и всего, что с ним связано, Надя заочно боялась. Да и Полуянов пугал: с участниками программ телевизионщики обычно не церемонятся. Заставляют по два часа ждать любого пустяка, тыкают, гадости говорят, принижают.

Однако в «Свадьбе навывлет» все оказалось культурно. По крайней мере к Митрофановой обращались только на «вы» и чрезвычайно уважительно.

– Вас не затруднит подъехать на консультацию к стилисту? Не возражаете заглянуть к нам – снять мерки, чтобы мы могли подобрать вам одежду?

Какая девушка откажется! Тем более что на программу не какие-то начинающие цирюльники работали, а настоящие звезды.

Известный стилист (Митрофанова однажды приценивалась к его услугам, но отдать бы пришлось ровно половину зарплаты) сейчас – абсолютно бесплатно! – посоветовал ей кардинально изменить стрижку и цвет волос. Когда Надя испугалась, давить не стал. Извлек лэптоп. Сфоткал ее, поколдовал в фоторедакторе, показал:

– Вот так примерно получится.

Митрофанова взглянула на красавицу, царственно взиравшую с монитора, и безропотно уселась в кресло.

А Полуянов – когда вечером увидел – не сказал ничего. Но даже ужина не потребовал. Набросился прямо в коридоре голодным и страстным волком. Вот и верь после этого, что мужчины – якобы! – женских причесок вообще не замечают.

Съемки «Свадьбы навывлет» должны были проходить в Энской области, Грибовском районе. Семьсот километров от столицы. Когда Митрофанова спросила: «Почему так далеко?», ей заученно отбарабанили:

– В больших городах шагу не сделаешь – везде нужны разрешения на съемки. С интерьерами еще хуже. В кафе снимать – только за деньги, в учреждение – любое – вообще не попадешь. Декорацию построить – как особняк. Плюс участники в большинстве своем – не москвичи, значит, на гостиницах разоришься. Поэтому и едем в деревню. Жилье – бесплатно. Павильон построили за гроши. Натуру снимай где хочешь.

Полуянова аргументы не впечатлили. Мрачно сказал:

– Специально везете в глушь, чтобы там издеваться.

– Зря вы. У нас не «Слабое звено». Все будет позитивно и комфортно, – обиделась девушка из редакторской группы.

– Мобильники в вашем Кукуеве, конечно, не ловят, про Интернет вообще никто не слышал.

– Ничего подобного! – триумфально возразила девушка. – Специально для нас вышку сотовой связи поставили, вай-фай тоже имеется – абсолютно бесплатный.

– А удобства? – строго спросил журналист.

Редактор виновато улыбнулась:

– Пяти звезд не ждите. Но домики подновили. Свет есть. Питанием обеспечим.
Когда вышли из «Останкино», Митрофанова укорила:

– Дима, что ты цепляешься? Вроде такой любитель приключений. В палатках жил – никогда не жаловался.

Он поморщился:

– Я люблю в истории *сам* влипнуть. А здесь ощущение, что меня, как телка, на заклятие ведут.

Надя – та про свою теорию заговора больше не вспоминала. Грядущая возможность стать телезвездой абсолютно вскружила голову. Раньше считала, что не тщеславна, но сейчас, едва представляла, что ее – ее! – будут показывать по телевизору дважды в неделю в прайм-тайм, просто дух захватывало.

Все ведь в библиотеке увидят! И Артем Кудряшов. И бывшие одноклассники-сокурсники. И соседи! И все узнают, что они с Димой теперь не просто сожители, но без пяти минут официальные супруги!

В библиотеке родимой – уже ажиотаж. Начальница пыталась вредничать, отпуск не дать. Но когда ей лично позвонил сам генеральный продюсер – неподражаемый Клычко-Желяев, – препоны чинить перестала. Однако взяла с Митрофановой клятву, что та обязательно упомянет перед телекамерой их читальню и зал всемирной истории.

– И лично вам спасибо скажу! – улыбнулась Надя.

Шефиня, похоже, поверила.

За пару дней до отъезда по электронной почте прислали список, что можно брать с собой. Оказалось сурово. Из одежды – только белье и спортивный костюм – *все наряды для съемок безвозмездно предоставляет телеканал «Просто the best»*. И по весу жесткое ограничение – не больше десяти килограммов. «Пронести лишнее не получится, на входе в автобус багаж взвешивается, при сомнениях не исключен личный досмотр».

Правда, сверх норматива разрешалось брать любые гаджеты, пять килограммов продуктов и даже алкоголь.

– Трудно будет в двадцать килограммов на двоих уложиться, – расстроилась Надя.

А Полуянов мрачно добавил:

– Это все цветочки. Ягодки дальше начнутся.

– Да ладно! – беззаботно отмахнулась Митрофанова. – Авиакомпании сейчас тоже ограничения по багажу вводят.

Накануне выезда позвонили из редакторской группы, сказали:

– Не забудьте взять у таксиста чек, мы компенсируем вам все расходы на проезд до «Останкино».

Ограничений по сумме не прозвучало, и Дима из вредности заказал представительский «Мерседес». Проехать, правда, пришлось, от их квартиры на ВДНХ до «Останкино», – всего ничего. Но выход из кожаного салона иномарки получился почти голливудским. Прочие парочки – почти все уже прибыли, толпились у автобуса – посмотрели враждебно.

Надя жадно разглядывала конкурентов – всех видела в первый раз. Робко произнесла:

– Здравствуйте.

Из восемнадцати человек только пятеро откликнулись вялым: «Привет». Остальные промолчали, а кое-кто и отвернулся.

– Не обращай внимания, – шепнул Дима.

Надя благодарно улыбнулась. Больше ни с кем общаться не пыталась, но рассматривать продолжала.

Очень разная публика собралась.

Вот парочка – вылитые Барби и Кен. Светловолосые, стройные. За ручки держатся. Смотрят друг на друга влюбленно. А рядом с ними – почти комические персонажи. Мужчина –

явно за пятьдесят, в устаревшем ворсистом спортивном костюме, спутница – юная, шустрая, в мини-юбке, с ярко подведенными глазками. Следующая пара – мускулистый brutальный красавец лет сорока, рядом с ним – леди, породистая, под стать. Но стоят в метре друг от друга, смотря в разные стороны. Уже поссориться успели?

Дима шепнул:

– Даже не пытайся гадать.

– О чем?

– Кто из них победит.

– А чего мне гадать? – нахально улыбнулась Митрофанова. – Я и так знаю. Победим мы.

– Пожалуйста, заходим, садимся! – заверещал смешной тонконогий блондинчик.

На входе в автобус, как обещали, устроили кордон. Сумки взвешивали, куртки просили расстегнуть. Но особо не придирались – только у очкастой, сурово ученой девицы конфисковали с десяток толстенных книг.

Та попыталась возмутиться:

– Чем там еще заниматься, в деревне?

– Интернет высокоскоростной. Все что надо найдете, – успокоил ее блондинчик по имени Жека.

Должность у него была – костюмер, но услужить пытался во всем.

В полдень караван – фургон с ПТС, два автобуса (один с телевизионщиками, второй с участниками) – ринулся пробивать столичные пробки.

Ярославка, Кольцевая, скоростная Новая Рига... Народ в автобусе сидел нахохленный, молчаливый. Дима взялся крушить монстров в телефонной игрушке. Надя снисходительно взглянула в его охваченное азартом лицо, положила любимому голову на плечо и задремала. Проснулась оттого, что автобус нещадно трясло. За окном серели ранние сумерки. По стеклам размазывался дождь.

– Грибовск проехали, – обернулся к ней Дима. – С шоссе свернули. Теперь грунтовка пошла.

– Куда дальше? – Митрофанова сладко потянулась.

– Какая-то Шибаяевка скоро будет.

– Ох, ну и дыра! – Надя опасно косилась в окно, на заброшенные поля и реденький чахлый лесок.

Ни щита рекламного, ни ларечка. Только мрак, дождь, бесконечная тряска.

Одна из героинь – невеста пожилого дядечки – завела заунывное, народное:

– Эх, матушка, грустно мне,

Боярыня, скучно мне,

Ой да люли, ой да люли,

Боярыня, грустно мне.

Прочие пассажиры морщились, но концерт не прерывали.

– Резва ноженька болит,

Эх, ретивое сердце щемит.

Эх, матушка, скучно мне,

Боярыня, грустно мне.

– Вот кошмар! – шепнула Полуянову Надя. – Слушай, а кто они, наши конкуренты? Откуда, чем занимаются?

– Кое-кого я узнал, – прошелестел в ухо Дима. – Видишь, во втором ряду сидит? Рыжий. У него свой канал на ютьюбе. А за нами парочка – которые все время матом говорят – это блогеры. Популярные у подростков.

– И ты журналист. Ничего себе! Целых четверо публичных персон на одно шоу! – удивилась Надя.

Полуянов обиделся:

– Нашла с кем меня равнять.

Наконец впереди показалась Шибаявка: пара тусклых фонарей, мрачные остовы домов.

– Остановка пятнадцать минут! – объявил водитель. – Последний магазин на пути! У кого водки мало, можете взять еще, больше шмонать не будут!

– Да куда вы нас везете-то? – Молодаяк оборвала свой печальный напев.

– Всего ничего осталось. Еще километров пятьдесят.

– О боже! – откинулась на спинку сиденья Надя.

– А как место-то называется? – нетерпеливо спросил Полуянов. – Или опять секрет?

– Да теперь что скрывать? Почти приехали, – усмехнулся шофер. – В деревню Селютино едем.

А сумасшедший Василий Васильевич, засыпая от лекарств, именно в это секунду сонным уже голосом повторил:

– В Селютино. Сеять там смерть. Смерть. Смерть...

* * *

Их было больше десяти тысяч. А осталось только двадцать. Двадцать анкет. Двадцать лиц.

Отбирали, разумеется, самых ярких. Необычных. От титулов и регалий пестрело в глазах. Мисс фитнес из города Королев. Лучший пожарный из Тихвина. Победители кулинарных конкурсов, участники экстремальных шоу. Имелись также кандидат наук, мастер спорта по шахматам, выпускник лондонской бизнес-школы, журналист известной газеты, победитель международного танцевального конкурса, популярный диджей, ведущий успешного канала на ютьюбе – почти каждый мог чем-то похвастаться.

Но и те, кто без титулов, несомненно, себя проявят. Поразительной смелостью или удивительной подлостью. Тихони с виду обратятся в лидеров. Рубахи-парни станут плакать от ужаса. Каменные лица и олимпийское спокойствие сохранить не сможет никто. Не зря кандидатов вместе с шеф-редактором отбирала целая свора психологов.

Официальные критерии были объявлены во всеуслышание: обаяние, умение говорить, желание побеждать и харизма, много харизмы.

Однако многих успешных и ярких отсеял лично *он*. Наложил по праву Хозяина вето.

Подчиненные, конечно, гадали, чем ему не угодили многие перспективные, эффектные пары.

Но лишь большой босс знал еще один очень важный критерий отбора.

В шоу могли участвовать только те, кто занимал активную позицию в социальных сетях. Те, кто вел блоги, ежедневно выдавал посты, имел подписчиков.

А тот, кто Всемирную паутину не любил, безжалостно отсекался.

И еще от него потребовали обязательно взять в команду нескольких паникеров. Людей, кто легко впадает в истерику и тянет в пучину страха остальных.

Хозяин честно выполнил оба требования.

* * *

Селютино выступило из мрака лишь в десять вечера. Убогая деревенька: пара десятков домов, разбросанных по холмам, на околице – новый, но чрезвычайно уродливый ангар. Правда, фонари горели приветливо. И вышка сотовой связи подмигивала красным глазом.

Автобус зашевелился, зашуршал сумками. Особых дружб за долгую дорогу не завязалось, но несколько имен Надя уже знала. Ярко покрашенная юница, что развлекала их заунывным пением, звалась Василисой. Ее старомодного спутника величали Николаем.

Девчонка ринулась к выходу первой. Однако двери автобуса оставались закрытыми.

– Эй, дядя! Ты что нас маринуешь? – напустилась Василиса на шофера.

Тот развел руками:

– Начальство велело. Ждем, пока аппаратуру выставят. Будут ваш выход снимать. Причешься пока, носик припудри.

– А почему гримеров нет? – возмутилась красотка.

Ответа не получила, лихорадочно бросилась обратно в кресло – обновлять макияж собственными руками.

Надя тоже достала зеркальце. Лицо после тряской дороги уставшее, на щеке вмятинка – отлежала на Димином плече.

Вздыхнула:

– Только бы крупный план не снимали!

– Митрофанова! – хмыкнул журналист. – Ты прямо такая звезда капризная стала. Скоро отдельный грим-вагончик потребуешь.

– А что мне – крокодил под телекамеры выходить? – сердито прошептала она.

Но подумала в первую очередь не о себе – о любимом. Тщательно пригладила Димину всклокоченную шевелюру. Проворчала:

– Вот тебе усталость и небритость даже идут. Везет вам, мужчинам.

Впрочем, аппаратуру и свет выставляли довольно долго. Надя успела и о себе позаботиться. Наклеила под глаза специальные нашлепки от отеков и синевы, лицо накрыла одноразовой увлажняющей маской и в течение пятнадцати минут предавалась релаксу. А макияж накладывать вообще не стала. Но выглядела в итоге куда свежей тех, кто все это время «штукатурил» усталые лица.

Наконец прозвучала команда:

– Выходим! Медленно, не толкаемся!

На улице успели соорудить настоящую съемочную площадку. Суета, софиты, операторы с камерами, четыре девушки-ведущие с микрофонами – вокруг каждой суетится гример.

– Надо будет что-то говорить? – шепнула Надя Полуянову.

– Откуда я знаю? – раздраженно пожал плечами он.

Кен и Барби (или как их там по-настоящему зовут?) вышли первыми и теперь стояли в окружении двух операторов, перед ними – очаровательное создание в резиновых сапожках и с микрофоном. О чем спрашивают? Про впечатления от поездки?

Надю с Димой тоже начали снимать прямо от дверей. Полуянов тащил обе их сумки, подал своей спутнице руку. Еще одна интервьюерша (тоже в резиновых сапогах, похоже, они для «Свадьбы навывлет» – обязательный элемент униформы) кинулась к Митрофановой:

– Скажите, Надя, ваш жених всегда так галантен?

– Конечно, – отозвалась невеста.

Что еще добавить – не знала.

– Как прошла дорога? – Ведущая продолжала лучиться дружелюбием.

– Нормально.

– Стоп. О боже! – К ним подскочила желчная прокуренная дама. Быстро представилась: – Анастасия, шеф-редактор.

И без церемоний принялась распекать:

– Вы – две снулые, скучные селедки! Что это за ответы? «Конечно»! «Нормально»! Кто, черт возьми, будет такое смотреть? Давай, Зая, – обернулась к интервьюерше, – снимай дубль два.

Отошла за камеру и погрозила будущей чете Полуяновых кулаком.

– Как прошла дорога? – Зая в резиновых сапогах исполнила на бис ослепительную улыбку.

Надя в отчаянии взглянула на Полуянова. И Дима выручил. Заговорщицким тоном ответил:

– Мы все десять часов сочиняли с Надей роман.

– И о чем он? – заинтересовалась девушка.

– Конечно, про деревню Селютино. Вон, видите, домик на самой окраине? (Один из операторов послушно обернулся в ту сторону, куда указывал Димин перст.) Там будет жить маньяк. А еще здесь обязательно должны иметься колдунья, вепри, пара-тройка вампиров...

– Но развязка вашего романа, конечно, будет счастливой?

– Да. Мы с Надей всех победим.

Митрофанова с восторгом взглянула на Димку. Какой он все-таки замечательный!

А Зая интригующим тоном произнесла:

– Что ж, у вас есть шанс проявить себя прямо сейчас.

Камеры нацелилась на нее, и девушка выдала анонс:

– Отдохнуть с дороги у героев не получится. Первый конкурс мы начинаем немедленно. Сейчас Надя с Димой пройдут в их дом, и у них будет целых два часа на то, чтобы превратить казенное и весьма запущенное жильё в уютный уголок. А мы с вами станем наблюдать за тем, как они справляются.

– Ничего себе! – вырвалось у Нади.

– А прийти в себя, поспать с дороги? – улыбнулся в камеру Полуянов.

– Так не на чем спать! – жизнерадостно отозвалась девушка в сапожках. – Диван в паутине, постельное белье не глажено! Что будете делать, Надя?

И Митрофанова выпалила:

– Подумаешь, беда! Уж чего-чего, а убираться я умею.

– Снято! – выкрикнула из-за ее спины шеф-редактор.

Снисходительно похвалила:

– Сойдет. Для сельской местности.

И заторопила:

– Быстро. Свет в доме уже выставлен. Сейчас снимаем ваш проход. Потом цепляем микрофоны, и пошел обратный отсчет. Будет ровно два часа. И никаких поблажек.

– Надька, – шепнул Полуянов, – имей в виду. *Красиво* стряхивать паутину я не умею.

– Значит, пойдешь колоть дрова, – фыркнула Митрофанова.

В отличие от журналиста она ни капельки не смутилась из-за конкурса. Подумаешь, уют навести! Все бы задания такими были!

* * *

Игра шла жесткая: никаких вторых дублей, никаких пересъемок. Голая хроника: как будущая семья Полуяновых вошла в ледяной, пыльный, загаженный дом. Крупным планом: Надины ахи по поводу пустых водочных бутылок и засохших колбасных шкур на полу гости-

ной. Зверское лицо Полуянова, метнувшего в прибежавшую на шумок крысу собственный ботинок.

Дима в обстановке полного разорения и хаоса явно растерялся. Пробормотал: «Тут надо минимум сутки прибираться». Надя, которая считала, что этот конкурс – вызов лично ей, оборвала:

- Слушайся меня – и все будет!
- У вас в семье матриархат? – немедленно встряла Зая.
- Только сегодня, – жестко улыбнулась Митрофанова.

И засыпала журналиста командами: найти тряпки. Утюг. Включить бойлер. Вынести мусор.

Дима старался, но ей все время казалось – он ползает, будто в замедленной съемке. Сама она носилась по дому с космической скоростью.

Счастье, в доме нашлись резиновые перчатки, и маникюру ничего не угрожало. С остальным оказалось хуже. Пылесоса или хотя бы веника не имелось. Подметать пришлось метлой – пыль в доме стояла столбом, да еще печка упорно гнала дым в горницу. Герои программы и съемочная группа постоянно чихали. Дима ко второму часу беготни начал еще больше сбавлять темп, а вот Надя, наоборот, ускорила. Помимо обязательной программы – уборка, постель, ужин, – прилагала все силы, чтобы навести хотя бы минимальный уют. На чердаке нашла репродукцию «Утро в сосновом лесу» в рамочке под стеклом, тщательно отмыла, протерла. Из собственной сумки извлекла три маленькие вазочки. Сказала Полуянову:

- Сбегай, пожалуйста, каких-нибудь веток еловых наломай!

К ней поспешила Зая (так и не снявшая своих фирменных резиновых сапог):

- С собой можно было взять только десять килограмм, и вы не пожалели места под вазы?

Надя только плечами пожала:

- Я и занавески тюлевые взяла. Не люблю, когда в доме голо.

И крикнула Полуянову:

– Димочка! Тут карниза нет – вот леска, будь другом, натяни ее над окном. Штору повесим.

Съемки закончились в половине первого ночи.

Немудрящий, но мило сервированный ужин был съеден, постель застелена, дом пусть и не сиял идеальным порядком, но выглядел вполне себе жилым.

Шеф-редактор Анастасия снизошла:

- Молодец, Митрофанова! Было что снимать. Только в следующий раз говори побольше.
- Я делом была занята. Некогда болтать, – буркнула Надя.

Когда съемочная группа наконец оставила их одних, Полуянов выдохнул:

- Мы молодцы. Не подкачали.
- Естественно. Но благодаря кому? – строго спросила Митрофанова.

Ждала комплимента, однако журналист не сомневался ни секунды:

- Конечно, благодаря мне! Кто тебе картину повесил? И крысу убил?!

Вытащил ноутбук и завалился в постель.

Надя слой за слоем оттирала лицо от пыли. Журналист в это время подключил вай-фай – тот оказался безо всякого пароля, удивленно воскликнул:

- Скорость приличная! А я про Интернет не верил. Думал, обманут.
- А смысл им врать?

– Для драматизма. Когда в глуши, да без связи с внешним миром, что угодно можно воротить. Только представь: утром выходишь, а во дворе труп. Полицию не вызовешь – телефоны не работают. И ясно, что убийца – где-то здесь. Рядом.

– Фу, Дима! – поморщилась Митрофанова. – Никакой фантазии. Я таких детективов читала миллион.

Она сложила грязные ватные диски в банку из-под кофе (временное мусорное ведрышко, других пока не имелось), рухнула в постель, оповестила:

– Сейчас умру.

– Умирай, – великодушно разрешил Полуянов. – Я за тебя все сделаю.

– Ты о чем?

– Забыла? Мы должны в Интернете отчитываться. О каждом нашем дне.

– Димусик, – моляще сложила ладошки, – но ты ведь напишешь что-нибудь за меня?

Мой пароль на фейсбуке – Dimulia...

И не договорила. Уснула.

* * *

Первым делом, едва явившись на службу, Надина начальница всегда заваривала себе чай в кружке с профилем Лермонтова. Но сегодня впервые в жизни отступила от традиции. Поставила кипятиться воду, а потом сразу открыла фейсбук. И жадно впиалась очами в пост Митрофановой:

Нет, ребята, это далеко не тропический рай. Деревня. Изба настоящая, деревянная. Две комнатки: спальня и, как здесь говорят, зал. Газа нет, топить надо дровами. Спасибо хоть плитка электрическая имеется. А удобства, извините, на улице. И выходить ночью во двор довольно страшно. Климат тоже очень российский – дождь и дубак.

*Зато сколько народу **на нас** работает! Я просто со счёту сбилась. Шеф-редактор плюс ее трое помощников. Директор программы. Два линейных продюсера. Режиссер-постановщик. Операторы. Видеоинженеры. Осветители. Гримеры. Генерального продюсера – который Клычко-Желяев – пока не видела. Но удивительного и так хватает. Жека – костюмер, ассистент и вообще вездесущий – красит глаза. Вы понимаете... Осветитель Глеб предается медитации – прямо на работе. И его не ругают. Терпеливо ждут последнего «О-мм». Шеф-редактор курит как паровоз, но бычки по-европейски кладет в конвертик, а потом в карман. И вообще у нас деревня не совсем обычная. Фонари везде. Асфальт только что положили. Урны стоят!*

Все хорошо, короче. Только любимой историко-архивной библиотеки не хватает. И наших чаепитий с любимой начальницей.

Пожилая библиотекарша покровительственно улынулась. Поставила лайк. Молодец, Митрофанова! Держит слово. Не забывает родную обитель.

* * *

Ведущих в шоу было только четверо, поэтому конкурс на домовитость снимали два дня. Четверым пришлось наводить уют с колес, остальным выпало дополнительное время. Хотя покидать дома участникам запретили, стражников у дверей не стояло. Кто хотел, легко выведал, в чем суть первого испытания. И во многих окнах до утра горел свет – пары заранее чистили-намывали помещения, готовились к съемкам.

Артур тоже сгонял на разведку, быстро вернулся, сказал Кристине:

– Давай подымайся. Надо хоть минимально бардак разгрести.

Но его всегда послушная девочка наморщила носик:

– И не подумаю. Меня укачало. Ничего делать вообще не могу. Особенно по хозяйству.

– Хочешь вылететь? На таком пустыке?

– Да ну, Артурчик, брось. – Она сладко потянулась. Лениво встала с дивана, обняла жениха. – Никто нас не выгонит. Кого тут еще снимать? Старичка в костюме «Большевичка»?

Толстушку-библиотекаршу? Ученую даму в очках? Давай лучше баиньки. Утро вечера мудренее. Как-нибудь выкрутимся.

И он поддался ее уверенности. Да и глаза слипались. Прилегли на незастеленный диван просто подремать – и провалились в глубокий, до десяти утра, сон.

Зато на следующий день оба выглядели прекрасно. Дом перед телекамерами убрали неумело. Зато поразили Анастасию и всю редакторскую группу тем, что выгрузили из сумок и красиво разложили две скакалки, степ-платформу и даже килограммовые гантельки. И на обед ели свежую морковку (каротин), банан (калий) да белковый коктейль.

Многие смогли себя проявить.

Огнеборец из Тихвина умело починил ветхую проводку и с большим жаром прочел телезрителям лекцию о пожарной безопасности.

Василиса с вечера замесила тесто для фирменных оладий, дом вымыла заранее – только в нескольких местах оставила пыль, чтобы было чем перед телекамерами заняться.

В аутсайдерах сразу оказались две пары.

Двое подростковых блогеров во время уборки и съемок беспрерывно ругались, да так, что половину реплик пришлось запикивать.

Победитель танцевального конкурса с супругой диджеем оказались абсолютно безрукими. Печку растопить не смогли, одеяло в пододеяльник вставляли минут пятнадцать, еду разложили на газетках.

Анонсы «Свадьбы навыйлет» шли по каналу «Просто the best» уже месяц. Первый выпуск программы собрал неплохой рейтинг, народ активно включился в СМС-голосование.

На последнем месте оказались скандалисты-блогеры. На предпоследнем – безрукие танцор и диджейка. Эсэмэсок в их защиту пришло почти вдвое больше. Однако волею Хозяина выгнали именно их.

Не потому, что плохо убрали. За то, что в другом ленивы. Двое суток в Селютино, а никто из бездельников ни разу в Сеть не вышел, ни единого поста не написал.

Вот пусть и отправляются домой.

* * *

Жена с подругой по телефону чирикала – про телевидение, массовку и съемки, но Федор Матвеевич женской болтовне внимания не придал.

Однако тем же вечером остался в юдоли скорби сверх положенного по КЗОТу и в восемь вечера обнаружил, что больница абсолютно пуста. Дежурная медсестра, санитары, ординатор, больные на свободном режиме – все испарились. Зато из холла на полную мощь орал телевизор.

Там доктор и застал весь дружный коллектив: медперсонал – в креслах, пациенты – на стульчиках или на полу развалились. А на голубом экране рафинированная девица на фоне покосившегося сарая неумело тюкала топором по полену. Каждый удар (с риском отрубить себе пальцы) вызывал у зрителей взрыв дикого хохота.

Федор Матвеевич пристроился было в уголке, но подхалимка-медсестра заметила, вскочила, почти силком толкнула на блатное место в первом ряду. Сама интимно устроилась на ручке кресла, рядом, и начала громким шепотом просвещать:

– Это шоу новое. У нас снимают! В Селютино!

– Где?! – Доктор мигом вспомнил откровения Васильича.

– Ну, деревня. В наших краях. За Шibaевым.

– Подожди-ка. Не тарахти.

Федор Михайлович впился в телевизор глазами. Девица наконец сумела расколоть полено надвое. Подхватила обрубки, бросилась в избу, завопила:

– Витенька! Так пойдет?

Сухопарый Витенька (который с важным видом сидел подле жерла печи) благосклонно принял поленья, распорядился:

– Иди, дальше руби.

Манерно, двумя пальцами, запихал дрова в топку.

Публика снова заржала, принялась комментировать:

– Вот индюк! Да не, это она овца!

Через пять минут доктор уже знал формат и суть шоу. Встал с кресла, строго сказал медсестре:

– Никого сюда не сажай. Сейчас приду.

Василий Васильевич сладко храпел. Психиатр потряс его за плечо. Когда мутные глаза распахнулись, шепнул:

– Пойдем. Покажу кое-что.

Больной взглянул опасливо:

– Током бить будешь?

– Дурак.

И привел Василя к телевизору. Снова согнал с кресла медсестру. Усадил на ее место буйного. Теперь сам примостился на ручке кресла. Сообщил:

– Вот. Селютино. Ты этих людей видел?

Первую минуту сумасшедший только хлопал глазами.

Но дальше действие переместилось в другой дом. Здесь наводила уют еще одна пара – классически красивый мужчина лет сорока и милая женщина несколько младше.

Василий нахмурился. Подался вперед, вцепился в подлокотники.

Оба персонажа на экране действовали умело. Он ловко водил утюгом по простыне. Она надевала на подушки наволочки. Только лица у обоих – совсем не радостные. Не то что не разговаривают – даже не смотрят друг на друга.

Молодая ведущая в платье под пейзаж и резиновых сапожках попыталась расшевелить пару. Подошла к мужчине, спросила:

– Анатолий! Вам дома часто приходится гладить?

Тот пожал плечами:

– Я постельное вообще не глажу. Но Алла сказала – надо.

Ведущая переместилась к женщине:

– Алла, Анатолий может приготовить омлет?

Девушка отчего-то смутилась.

– Ну... наверно.

– Тоже мне. Супруги! – с нескрываемым презрением произнесла медсестра.

А Василий Васильевич ткнул мясистым пальцем в экран и завопил:

– Вот оно! Зло! Вот! Вот!!!

– Где? – быстро спросил доктор.

– От него беда пойдет! Смерть! От него!

– Ты про что? Объясни!

Однако ответа врач не добился. Прорицатель заблажил, начал рвать волосы, колотить по полу ногами. Санитары неохотно оторвались от экрана, поволокли больного в палату. Медсестра с крайне недовольным лицом поспешила набирать в шприц лекарство. Когда Василь успокоился, по телевизору уже шли новости.

– Вечно вы все испортите! – проворчала сестричка.

И санитары с молчаливыми недовольными лицами ее поддержали.

* * *

Ходить друг к другу в гости по условиям шоу не разрешалось. Однако бродить по окрестностям никто не запрещал. Но Надя и по хорошей погоде гулять не большая любительница, а в сырость, тем паче в дождь, ее никакими калачами не выманишь. Потому Полуянов гулял в одиночестве и нисколько от этого не страдал. Ему всегда был нужен час, а лучше два наедине с собой. В суетной Москве достигать искомого оказалось, что удивительно, легче, нежели в деревенской глуши: на работе – свой кабинет, плюс в пробках – ты в машине, собственной ракушке, никто не мешает мечтать и думать. А здесь, хотя плотность населения не больше чем один человек на километр, ты постоянно на людях. Вечная Надя под боком. Шеф-редактор Анастасия не скрывала: в обязанности ее помощников входит постоянно общаться с героями. Наблюдать, как те ведут себя вне съемок, в обычной жизни, в быту. Соперники-соратники тоже жаждали пообщаться. Прощупать, выведать слабые места. Или просто поболтать от скуки. Да еще неизвестность утомляла. Конкурс на хозяйственность сняли – и все, тишина. Чего ждать? К чему готовиться? Чем заняться?

Анастасия сказала:

– В Интернет свои впечатления выкладываете.

Вопрос – о чем? Что дождь целый день? И что он собственноручно целую поленицу дров наколот?

В общем, Дима с первого дня принялся бродить по окрестным лескам.

Решительно ничего интересного или красивого в них не было. Наполовину обглоданные елки, кривоватые дубки, печальные осины. Грибы – исключительно свинушки. Надя к ним относилась с подозрением, жарить отказывалась.

Зато однажды Диме попалась шальная, оставшаяся от лета малина – до сих пор кислая и зеленая, хотя поздний октябрь на дворе. Лося встретил, абсолютно непуганого. Вороны на него злились, каркали. Белки нахально подходили вплотную, вставали на задние лапы, передними моляще царапали джинсы. Орехов у Полуянова не имелось, но местное зверье оказалось не слишком требовательным – и хлеб принимали со счастливыми мордами.

А на второй день, когда начало смеркаться, Дима встретил в лесу практически лешего – мужика в рваном ватнике, с лапами, обросшими шерстью, и клочковатой щетиной.

Дядька – не старый еще – сидел на бревне, обсасывал беззубым ртом куриную ножку (точно такие им с Надей доставили в пластиковых контейнерах на обед).

На Полуянова взглянул строго. Спросил:

– Ты работаешь? Или из клоунов?

Дима понял. Фыркнул:

– Из вторых.

– Вот охота вам? – задумчиво молвил мужик. – Деньги, что ли, хорошие платят?

– Ничего не платят.

– А зачем тогда?

– Слава. И типа отпуск, – поморщился Полуянов. (Шоу – хотя пока только один конкурс прошел – раздражало его все больше.)

– Я бы лучше поработал, чем в могиле лежать, – злорадно изрек абориген.

– Чего?

– Да операторы ваши базарят, а я подслушал, – хитро улыбнулся мужик. – Будут вас живьем закапывать.

– Зачем?

– Конкурс такой. Сможешь ли вылезти. Нет, лучше уж мешки грузить, – поежился мужик и протянул Полуянову волосатую длань. – Петр.

– Дмитрий. Ты здесь живешь?

Полуянов решил сразу на «ты», без лишних церемоний.

– Ну да. Могиканин. Последний, – не без гордости отозвался мужик. – Пока ваши не понаехали, у нас тут ваше необитаемый остров был. Грязь, темнотища, свет на два часа в день давали. Все побегли – в Грибовск, в общаги, кто куда. А я чужим кланяться не люблю. Сидел, ждал, когда и у меня будет праздник. И дождался. Теперь король. Телевизор смотрю, телефон мобильный купил!

– А много народу в деревне было?

– Когда-то колхоз имелся. Коров триста голов. Поля. Картошку, свеклу садили. Как кончился коммунизм – все и зачахло. Хорошо, я инвалид, пенсия есть. И корова. А щаз, – приосанился гордо, – мне и зарплату назначили.

– За что?

– Написано – охранник. На деле – тяжести таскаю. Ну, и снимают меня. Для колорита.

– А что в лесу делаешь?

– Расследование веду, – приосанился Петр.

– Как ты сказал? – усмехнулся Дима.

Абориген понизил голос:

– Да вчера я тут, на поляне, двух лихих людей видел.

– Лихих?

– Джигиты. Куртки черные, глаза злющие. Меня увидели – залопотали по-своему. И бежать! Я бы по ним пальнул, – вздохнул печально, – так не из чего. Не выдали мне табельного оружия.

– Ты начальству доложил? – спросил Полуянов.

– Да. Анастасия испугалась. Сказала, что решетки на окна закажет. А пока велела операторам обязательно дежурного оставлять.

«Восточные люди крадутся через лес, чтобы стащить телекамеру? Вряд ли, – подумал Полуянов. – Может, просто на съемки хотели поглазеть?»

– А вообще народ-то интересуется? – спросил Петра. – Все-таки телевидение. Наверняка ведь приезжают. Из Шибеева, из Грибовска?

– Та, может, и хотели бы, – хмыкнул Петр. – Но сюда только «уазик» пройдет. И то не факт – дожди каждый день, на дороге грязи по самые яйца. Так что, Дима, – шутливо погрозил пальцем, – захочешь сбежать, а не выйдет. Завязнешь.

– Зачем мне бежать? – улыбнулся Полуянов. – Мы сюда побеждать приехали.

* * *

Полуянов пришел домой, когда начало смеркаться.

Надя встретила в сенях – глаза горят, новости рвутся с губ:

– Ой, Дим! Я все узнала! Завтра новые конкурсы будут! Боюсь ужасно!

Он немедленно вспомнил страшилки Петра про кладбище, но в лице не изменился. Спокойно спросил:

– Мы участвуем?

– Не знаю, – вздохнула досадливо. – Сказали, опять возьмут четверых. Кого именно – страшная тайна.

– А что надо делать?

Полуянов снял изгвазданные кроссовки. Митрофанова мигом подхватила обувь, передала на газетку (на чердаке обнаружилась целая стопка макулатуры).

– Говорят, локация разными будут. И испытания разными.

– И какими?

– Если бы я знала! – вздохнула она. – Но Василиска видела: режиссер, Анастасия и операторы вместе на кладбище ходили. А еще, говорят, что-то на речке затевают.

Полуянов, после того как расстался с Петром, прогулялся на деревенский погост. Увидел там много свежих следов и две свежевыкопанные могилы. Наде ничего говорить, конечно, не стал.

– Я к Насте и так и этак подступала, но она прямо сфинкс какой-то, – продолжала тарыхтеть Надюшка. – Только и сказала: завтра к восьми быть готовыми. В любом случае. За нами или сразу придут – или надо будет вторую смену ждать, в два. Или вообще до послезавтра.

– А из дома выходить можно?

– Сказали, ни ногой. Но, как я поняла, – Митрофанова понизила голос, – охранять нас никто не будет.

Драматическая пауза.

– И что ты предлагаешь? – Дима, конечно, догадался, но пусть Надюшка гордится, что сама придумала.

– Давай, если нас с утра не возьмут, проследим! Чтобы хоть в курсе быть! До речки далеко. Но до кладбища можно запросто пешком.

– Давай. Но будет только хуже. – Пожал плечами журналист.

– Почему?

– Потому что ты еще больше перепугаешься.

* * *

По результатам голосования Артур с Кристиной пока стояли далеко от кругосветного путешествия – только пятыми. Кристишка нервничала, бурчала: «Будто я виновата, что красиво подметать не умею!»

Артур в отличие от нее не волновался ни капли. Считал: «хозяйственный» этап – проходной. Любое шоу держится на экшене. Риск, нервы, опасности, преимущества в доли секунды. Вот где народ будет сыпаться. А они с Кристиной в самом важном компоненте любую пару из оставшихся девяти обойдут. С большим преимуществом. Что станет делать очкастая кандидатка наук, если, допустим, увидит медведя? Завершит и немедленно сдастся. А Кристишка – без проблем взлетит на дерево. Да ещё и ему поможет, рогатину сверху скинет.

Когда были в тренировочном лагере в Таиланде, как над ними только не издевались! Из клетки под водой они с невестой выбирались (безо всякого резерва кислорода, между прочим). По тросу через пропасть ходили. С вагона на вагон (а поезд на приличной скорости несся!) перепрыгивали.

А здесь у них и конкурентов нет. Когда Кристина вчера во дворе добывала свою ежедневную тысячу прыжков на скакалке, подошла Василиска. Простодушно призналась: «Я и двадцати раз не смогу». А уж когда Артур раздобыл в сарае десяток кирпичей и взялся разбивать их ребром ладони, целый восхищенный партер собрался. Как только не называли: и Джеки Чаном, и Ван Даммом!

– Вряд ли они что-нибудь совсем сложное устроят, – успокаивал Артур свою Кристиночку. – Не дураки, понимают: народ чахлый, переломается. Да и возможностей здесь нет. Ни моря, ни гор, ни обрывов. Что-то совсем примитивное. Построят веревочный городок в лесу и организуют забег на время.

– Хорошо бы! – улыбнулась его милашка, известная любительница черных трасс.

Но хотя он и не ждал максимальной нагрузки, все равно разбудил девушку спозаранку. Заставил пробежать кросс, отжаться, попрыгать. Сам бегать не стал – подкачал пресс, руки. Чтобы разбудить реакцию, вволю попинал самодельную грушу.

Кристина прискакала с улицы румяная, возбужденная. Сообщила:

– Движуха в деревне. В машины доски грузят, веревки.

Артур насторожился:

– Зачем?

– Ты ведь сам говорил про веревочный городок, – напомнила его птичка.

– Городок за час до съемок не построишь, – отмахнулся Артур. – Что-то другое затеяли.

Но предположить, что конкретно, не успел – в дом, как всегда вихрем, ворвался женоподобный костюмер Жека.

Одежду подобрали быстро: для Кристины – ярко-красный спортивный костюм и белый пуховичок, ему – тоже спортивное одеяние, ядовито-акриловый ультрамарин.

– Чего делать-то надо будет? – нетерпеливо спросил Артур.

Жека масляными глазами уставился на обтянутые узкими брюками причиндалы спортсмена, произнес с придыханием:

– Не дрейфь, красавчик! Обычные «веселые старты».

Погрузились в «уазик» и выдвинулись. Когда покидали деревню, Артур заметил: у дороги, за кустами, таятся две фигуры. Напряг орлиное зрение, углядел: конкуренты. Журналист и библиотечкараша.

Российская пародия на джип, неспешно буксуя, набирала ход, но Надя с Димой бросились не за машиной – наискосок. Напролом через полузамерзший бурьян.

– Наблюдатели хреновы! – проворчал Артур.

– Чего? – обернулся из-за руля Жека.

Но спортсмен не стал сдавать противников. Пусть следят. Выиграть это им не поможет.

* * *

Кладбище при деревне Селютино по непонятным причинам устроили не за околицей, а в километре от нее. Официальная безобразно раскисшая грунтовка вилась по краю давно заброшенного поля, но Надя с Димой побежали напролом, через негустой лесок.

Митрофанова изо всех сил старалась не отстать, но попевала в такт тренированной поступи Полуянова с огромным трудом. Журналист досадливо подумал: «В конкурсах на выживание толку от нее будет мало».

Теперь не осталось никаких сомнений: героев действительно везут на кладбище. Надя разнервничалась окончательно.

Пропыхтела, изо всех сил стараясь не сбить дыхание:

– Дим! А вдруг как в Томе Сойере будет?

– Что?

– Труп заставят выкапывать. Настоящий.

– Блин, Митрофанова, ты Уголовный кодекс читала когда-нибудь? – разозлился он.

– А зачем мне?

– Чтoб знать: есть такая статья – осквернение могил. И за нее дают реальный срок. И что ты вообще трепыхаешься, скулишь прежде времени?

– Я хочу по телику эффектно смотреться, – вздохнула она. – Но если увижу труп, буду очень некрасиво визжать.

– Не будет никаких трупов, – заверил журналист.

– Почему?

– Я вчера ходил на кладбище, – признался Полуянов. – Там действительно вырыты две свежие ямы. Но они пустые.

– Вчера были пустые. А сегодня туда покойника положат, – горько вздохнула Надежда.

Они прокрались, пригибаясь к земле, до кладбищенской ограды. Съемочная группа яркими точками распалась по всему погосту. Дальше идти было нельзя.

– Правда, могилы только что выкопанные, – севшим голосом произнесла Митрофанова. Есть ли что внутри, из укрытия было не разглядеть, но Надя все равно открыла рот – завизжать.

– Тихо! – яростным шепотом приказал Полуянов.

Послушалась. Глаза перепуганные.

Он без жалости бросил выданную телевизионщиками куртку на землю у подножия древней березы. Кивнул подруге:

– Садись.

От зияющих ям их отделяло метров сто пятьдесят. Могилы под сенью облетелых деревьев просматривались неплохо.

«Уазик» с героями остановился у центрального входа на кладбище. К машине бросились вездесущая Анастасия и парочка ведущих-пейзанок (антураж цветастых платьев сегодня сменили на приличествующее моменту черное). Из авто минут десять никто не выходил. А когда задняя дверь джипа распахнулась, оттуда под руки вытащили Кристину. Глаза ее были завязаны черной лентой, но испуганной девушка не выглядела.

Спокойно дала Анастасии с Жекой взять себя под руки, провести меж крестов и памятников.

Маленькая процессия остановилась метрах в трех от разрытой могилы. Шеф-редактор приказала:

– Стоять. Не двигаться. Молчать. Повязку не трогать. Евгений, следи за ней.

И бодрой рысцой бросилась обратно к машине, откуда облаченные в траурное пейзажки тем временем извлекали Артура – тоже с завязанными глазами.

Его подвели к соседней могиле.

Никаких предварительных инструктажей не последовало.

Бодрое «Мотор идет!» сопроводилось зловещим карканьем вспуганного суетой воронья.

– Доброй ночи, дорогие Артур и Кристина! – роковым голосом начала одна из псевдокрестьянок. – Да, для вас сегодня ночь. Вы ничего не видите. И понятия не имеете, что сейчас будет происходить.

– Хотя конкурс простой до банальности! – Вторая ведущая почти не скрывала издевательских ноток в голосе. – Вам – не снимая повязок с глаз! – нужно *всего лишь* сделать десять шагов. Только десять. Только прямо. Десять шагов по прямой за минуту. Дальше разрываете грудью ленточку финиша. И все! Вы победили! Вы остаетесь в шоу плюс получаете дополнительный приз. Миллион. Миллион русских рублей. Неплохое подспорье для молодой семьи!

– Однако на пути вас могут подстерегать опасности, – вкрадчиво произнесла первая.

– Какого рода? – спокойно спросил Артур.

– Медведи. Львы. Тигры. Шальная пуля. Потерявший управление автомобиль.

– Мы не можем *защищаться* с завязанными глазами! – Голос Кристины чуть дрогнул.

– Включайте осязание, обоняние, слух. Интуицию, наконец, – посоветовала крестьяночка.

– Вам не обязательно доходить до финиша обоим, – продолжила разъяснения вторая пейзажка. – Даже если только один из вас за минуту преодолеет маршрут, вы все равно получите миллион. Итак, вы готовы начать свой путь к триумфу или к смерти?

– Да, – хором отозвались жених с невестой.

Голоса бодрые – Надя прямо позавидовала.

– Тогда три-два-один! Пошли! – громко скомандовала ведущая.

Ни один из пары не сдвинулся с места.

– Кристи, ты меня слышишь? – быстро сказал Артур.

– Пять секунд, – металлическим голосом объявила крестьянка.

– Вспомни: Таиланд. Лес. Змеи. Идешь очень медленно, ощупываешь землю ногой.

– Десять секунд. И ни одного пока шага. Пятнадцать.
Артур с Кристиной, словно слепые со стажем, вытянули руки и медленно двинулись вперед. В паре метров перед каждым зияла разверстая могила.
– Они ведь убьются! – в ужасе прошептала Надя.
– Брось. Этого не допустят.
Но уверенности в Димином голосе не прозвучало.
Метр пройден.
– Двадцать секунд. Быстрее! – безжалостно поторопила ведущая.
Артур продолжал семенить крайне медленными шажками. А Кристина занервничала. Чуть прибавила шагу, нога ее зависла над пустотой, девушка не удержалась – и сорвалась вниз. Раздался ужасающий крик. Дальше визг. Потом плач.
Мужчина мгновенно сорвал повязку с глаз. Озирался буквально долю секунды – потом молнией бросился к яме.
Оттуда раздавался уже не рев – вой.
– Не такая она и железная, – произнесла Надя.
Получилось довольно злорадно.
– Сорок секунд, – спокойно констатировала ведущая. – Артур еще может дойти до финиша и получить миллион.
Мужчина взглянул с презрением:
– Пошла ты!
Встал на колени у края могилы, спокойно произнес:
– Кристи. Это не настоящий труп.
Голос девушки доносился приглушенно, но Надя смогла разобрать:
– Слизь! Он воняет!
– Манекен. Муляж.
– Он в синих пятнах! И в плесени!!!
Митрофанову передернуло. Артур безапелляционно изрек:
– Прекрати истерить!
Снова встряла ведущая:
– Можете продолжать беседу. Но речь уже не идет о миллионе. Если через пять минут Кристина не выбирается из могилы, вы оба покидаете шоу. Время пошло.
– Отпихни труп и вставай! – приказал Артур. – Не смотри на него. Слезы вытри. Ноги целы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.